

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. М. ХВОСТОВ, А. М. НЕКРИЧ

КАК ВОЗНИКЛА ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва . 1959

ВВЕДЕНИЕ

Как возникла вторая мировая война? Ответ на этот вопрос интересует каждого советского человека.

Брошюра, подготовленная Институтом истории АН СССР к 20-й годовщине начала второй мировой войны, в популярной форме рассказывает о причинах и обстановке возникновения войны 1939—1945 гг. Брошюра основана на последних научных и документальных данных по этому вопросу.

Особое внимание авторы уделяют борьбе Советского Союза за коллективную безопасность и сохранение мира, раскрытию сущности политики «умиротворения» фашистских агрессоров, проводившейся западными державами. Брошюра рассчитана на массового читателя, она может быть использована в качестве пособия для кружков текущей политики сети партийного просвещения.

В августе 1959 г. минуло 45 лет с начала первой мировой войны. В сентябре 1959 г. исполняется 20 лет со дня, когда разразилась вторая мировая война. В течение жизни одного поколения человечество дважды было ввергнуто в кровопролитные и опустошительные мировые войны.

В общей сложности они продолжались 10 лет: первая мировая война — 4 года (1914—1918) и вторая мировая война — 6 лет (1939—1945).

Страдания, испытанные людьми во время этих войн, поистине неизмеримы. Жертвы же, понесенные человечеством, могут быть исчислены лишь приблизительно. По официальным подсчетам, во время первой мировой войны было убито 9 миллионов 700 тысяч человек, ранено и искалечено более 21 миллиона человек. Еще более ужасны потери во время второй мировой войны. Одних военных было убито свыше 30 миллионов. Погибло до 25 миллионов человек гражданского населения. 35 миллионов человек были ранены и изувечены.

Это значит, что человечество потеряло во второй мировой войне лишь одними убитыми до 55 миллионов жизней. Для того чтобы яснее представить себе эти цифры, достаточно сказать, что количество убитых во время последней войны превышает население Англии. Если сложить данные о потерях за время двух мировых войн, то окажется, что было убито до 65 миллионов человек, ранено и изувечено более 56 миллионов. Число убитых и раненых в двух войнах приблизительно равно населению Англии, Франции и Испании, вместе взятых.

Как правило, большую часть жертв войны составляют наиболее здоровые и трудоспособные люди — цвет наций.

Людские потери — это главное, но они не дают полного представления о тяжелых последствиях мировых войн. Войны сопровождалась массовым разорением и обнищанием десятков миллионов семей, разрушением жилищ, уничтожением величайших культурных ценностей, которые веками создавались гением человеческого разума.

В результате второй мировой войны 21 миллион 245 тысяч человек лишились крова и имущества. Было разрушено 30 миллионов жилищ. Миллионы людей в результате травм, полученных во время войны, потеряли здоровье, утратили трудоспособность. Еще и теперь, спустя 14 лет, население японских городов Хиросима и Нагасаки, подвергшихся варварской бомбардировке атомными бомбами, ощущает губительные последствия действия атомных лучей.

Прямые военные расходы всех государств — участников второй мировой войны оцениваются в 1117 миллиардов долларов.

Огромное большинство погибших, а также разрушений и опустошений приходится на долю Европы, населяющих ее народов. Это объясняется тем, что обе мировые войны начинались в Европе и велись преимущественно на ее территории.

Как первая, так и вторая мировые войны были порождением капиталистической системы, результатом развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма. Эти войны были следствием неравномерности развития отдельных капиталистических стран и возникшей на этой почве ожесточенной борьбы между ними за передел мира, сфер влияния и приложения капиталов, рынков сбыта и источников сырья, то есть в конечном счете за мировое господство.

На рубеже XIX и XX веков мир оказался поделенным между капиталистическими государствами, главным образом между Англией и Францией, которые раньше других стали на путь капиталистического развития.

Германский империализм, выступивший на мировой арене в момент, когда колонии, источники сырья и сферы

приложения капиталов были уже поделены, мечтал заново переделитъ земной шар, с тем чтобы обеспечить себе мировое господство. На этом пути Германия должна была неизбежно столкнуться с наиболее богатой колониальной державой — Англией. Англо-германские империалистические противоречия и были главными международными противоречиями накануне первой мировой войны. В результате обострения этих противоречий Европа раскололась на две замкнутые военные группировки великих держав: англо-франко-русскую и герmano-австрийскую. Острые империалистические противоречия между этими группировками привели к первой мировой войне. То была, как неоднократно указывал В. И. Ленин, война несправедливая, захватническая с обеих сторон.

Первая мировая война окончилась поражением Германии. Но война принесла и другой результат, на который империалисты, развязавшие ее, никак не рассчитывали: российский пролетариат под руководством большевистской партии во главе с великим Лениным совершил социалистическую революцию, порвал с империалистической войной и, вызволив нашу страну из цепей капиталистического рабства, повел ее широкой дорогой вперед, к коммунизму.

Спустя двадцать лет новое обострение всех противоречий капиталистической системы привело ко второй мировой войне. Таким образом, обе мировые войны явились порождением капитализма — общественного строя, в основе которого лежит эксплуатация человека человеком. Вся история капитализма — это сплошная вереница кровавых жертв и преступлений. Капитализм — вот почва, на которой родились ужасные истребительные войны. Общественный строй, который не может существовать без войн, является бичом человечества, сам выносит себе обвинительный приговор и обречен историей на неминуемую гибель.

Как же возникла вторая мировая война? Об этом мы и хотим рассказать.

ГЛАВА I

НАЧАЛО ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

Через одиннадцать лет после окончания первой мировой войны капиталистический мир постиг невиданный по своему размаху и продолжительности экономический кризис.

Возникнув осенью 1929 г., кризис с необычайной быстротой охватил все капиталистические страны и нанес сильнейший удар по самой богатой из них — Соединенным Штатам Америки. Кризис, бушевавший с 1929 по 1933 г., поразил промышленность, сельское хозяйство, кредитно-денежную систему. Резко сократилось производство. За годы кризиса объем промышленного производства капиталистического мира уменьшился более чем на четверть, выплавка стали и чугуна упала более чем на две трети, добыча каменного и бурого угля сократилась почти на треть. Мировая торговля сократилась на две трети.

Десятки тысяч предприятий закрылись. 30 миллионов рабочих и служащих капиталистических стран оказались без работы.

Ради поддержания высоких цен монополисты уничтожали продукты питания, в то время как миллионы людей голодали. В США в топках паровозов сжигались тысячи тонн пшеницы и кукурузы, в Германии миллионы пудов ржи были брошены на корм свиньям, в Бразилии потопили в море миллионы мешков кофе.

Кризис, нарушивший экономическую жизнь капиталистического мира, привел к резкому ухудшению внутреннего и внешнего положения многих государств. Обострились классовая борьба и межимпериалистические противоречия. Руководящие круги империалистических стран искали выхода из кризиса и вызванного им

массового подъема рабочего и революционного движения во внешних авантюрах, агрессии и войне, а у себя дома чаще всего этот выход представители монополий усматривали в переходе от буржуазной демократии к фашизму. Фашизм — это «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹.

Среди бушующего океана экономического хаоса Союз Советских Социалистических Республик — единственное тогда социалистическое государство — не только оставался вне кризиса, но и развернул гигантское промышленное строительство, коренную перестройку сельского хозяйства. То были славные годы первой пятилетки, когда по всей нашей стране — от западной границы до Тихого океана, от столицы Москвы до глухих таежных деревень — возникали заводы-гиганты, электростанции, новые города, колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции. Советскому социалистическому строю, экономика которого базировалась на прочном фундаменте планового хозяйства, не были знакомы экономические бури. Страна росла и крепла.

Империалисты со злобой следили за успехами мирного строительства в нашем социалистическом государстве. Сначала они не верили, что нищую, отсталую царскую Россию можно поднять до уровня современного прогресса; они смеялись над советскими людьми и их планами, пророчили быстрый крах социализма. Потом, когда они увидели, что дела у нас идут на лад, их насмешки сменило чувство страха и возрастающей ненависти. Ведь Советский Союз, показавший, на что способен трудовой народ, сбросивший оковы капиталистического рабства, стал маяком для рабочих и крестьян всего мира, с гордостью называвших нашу страну ударной бригадой мирового пролетариата. Капиталисты боялись, что доведенные до отчаяния затянувшейся массовой безработицей и другими последствиями кризиса, вдохновленные примером социалистического государства, рабочие и крестьяне стран капитала захотят пойти по

¹ Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 года, Госполитиздат, 1958, стр. 6.

пути социализма, избавиться от того строя, который несет кризисы, безработицу, нищету, неуверенность в завтрашнем дне и самое страшное — войны.

В тех странах, которые экономический кризис поразила в наибольшей степени, где внутренних ресурсов было явно недостаточно для его преодоления, а классовые бои носили ожесточенный характер, господствующие классы наиболее поспешно переходили в области внешней политики к агрессии, а в области внутренней политики — к милитаризму, к крайней реакции, как к методам разрешения своих внутренних и внешних затруднений.

Первой вступила на этот путь милитаристская Япония.

Японская военщина уже давно вынашивала свои завоевательские планы. Еще в 1927 г. японский премьер-министр Танака представил императору секретный меморандум, в котором наметил агрессивные цели японского империализма. В меморандуме говорилось: «Для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия и страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами... Для того, чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать этот район как базу и проникнуть в остальной Китай под предлогом развития нашей торговли. Будучи уже вооружены обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы...»¹

Маньчжурия — так назывались в то время северо-восточные провинции (Дунбэй) Китая, в то время слабого, зависимого от иностранного империализма государства, раздиравшегося внутренней борьбой милитаристских клик, — привлекала империалистических хищников огромными естественными богатствами, а также выгодным стратегическим положением, позволявшим

использовать ее территорию как плацдарм для войны против Китая, Монгольской Народной Республики и особенно против Советского Союза. Советский Дальний Восток и Сибирь издавна манили японских захватчиков. Потерпев поражение во время гражданской войны и интервенции в 1920—1921 гг. и будучи вынужденными убраться восвояси, японские империалисты не оставили своих захватнических планов. В том же меморандуме Танака говорилось: «В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии»¹.

С 1928 г. японский генеральный штаб разрабатывал оперативные планы ведения войны против СССР. Чтобы замаскировать свои захватнические замыслы, японские агрессивные круги шумели о том, что их главной целью является борьба с «международным коммунизмом». Они рассчитывали, что, спекулируя на страхе мировой буржуазии перед коммунизмом, им удастся нейтрализовать своих империалистических соперников — США и Англию — и избежать их противодействия агрессивным планам Японии. Аппетиты японских захватчиков простирались, как мы уже говорили, не только на советские территории. Наиболее богатой и вместе с тем доступной добычей им представлялся Китай. Японское правительство создавало, что война против СССР — дело трудное.

Поэтому японские милитаристы решили начать с Маньчжурии, тем более, что там имелось достаточно японских войск, посланных туда много лет назад под предлогом охраны принадлежавшей японским капиталистам Южноманьчжурской железной дороги (ЮМЖД). 18 сентября 1931 г. японские войска ворвались в столицу Маньчжурии — Мукден — и заняли ее. К марту 1932 г. была захвачена вся территория северо-восточных провинций Китая и создано марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с «императором» Пу-и. Быстрому захвату китайских территорий способствовала изменническая политика стоявшей у власти в Китае клики Чан Кай-ши, поглощенной борьбой против революционных

¹ См. «История войны на Тихом океане», т. I, М., 1957, стр. 338—339.

¹ См. «История войны на Тихом океане», т. I, М., 1957, стр. 344.

районов на севере страны и стремившейся к тайному сговору с Японией.

Как же реагировали на этот наглый акт агрессии крупнейшие государства капиталистического мира? Ведь Япония нарушила подписанные с ними договоры о поддержании существующего положения в Китае и на Тихом океане. Как отнеслась к этому Лига наций — организация, созданная после первой мировой войны якобы для поддержания мира и безопасности? Статья 16 Устава Лиги наций предусматривала в подобных случаях принятие карательных мер (санкций) против агрессора. Однако Лига после обсуждения жалобы Китая ограничилась посылкой в Маньчжурию комиссии для «изучения» положения на месте. Англия и Франция, хозяйничавшие в Лиге наций, рассчитывали, что, опираясь на выводы комиссии, они обеспечат свои империалистические интересы в Китае. США, которые не состояли в Лиге наций, провозгласили 7 января 1932 г. так называемую «доктрину непризнания». США заявили, что не будут признавать договоров и соглашений, которые в какой бы то ни было мере ущемляли права США и их граждан в Китае и находились бы в противоречии с соглашениями, основанными на принципе «открытых дверей». Для США, экономически самой сильной страны капиталистического мира, принцип «открытых дверей» был более выгоден, чем для любой другой капиталистической страны, ибо обеспечивал ей преимущества в конкурентной борьбе.

Разъясняя «доктрину непризнания» госдепартамент одновременно подчеркивал, что Соединенные Штаты не намерены вмешиваться «в разрешение Японией каких-либо инцидентов, если только эти инциденты не подрывают интересов США». Таким образом, США не возражали, чтобы Япония искала добычи в направлении, которое не затрагивало интересы американских монополистов. О каком же направлении шла речь? На этот вопрос тогдашний американский президент Г. Гувер ответил со всей определенностью: «...если бы японцы прямо заявили: мы не сможем более соблюдать вашингтонское соглашение, ибо в Китае порядок не восстановлен, половина Китая большевизирована и сотрудничает с Россией... наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на севере с большевистской

Россией мы будем иметь еще на фланге большевизированный, возможно, Китай, — поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае. Если бы они нам это прямо заявили, мы не могли бы выдвинуть возражений»¹. То было прямое подталкивание японского агрессора к нападению на Советский Союз, к подавлению освободительного движения китайского народа.

Однако японские милитаристы прежде всего стремились выбросить из Китая своих империалистических конкурентов — США и Англию. Всеми своими действиями Япония показывала, что она стремится к безраздельному господству в Китае. Это вело к обострению противоречий на Дальнем Востоке и прежде всего к ухудшению американо-японских отношений.

Англия, со своей стороны, отказалась поддержать «доктрину непризнания», так как рассчитывала, что ей удастся договориться с Японией один на один. Таким образом, возможность соглашения между США и Англией о совместных действиях против японского агрессора исключалась. Это облегчало Японии дальнейшее расширение ее агрессии в Китае.

Был и еще один фактор, игравший на руку захватчикам. Реакционные круги в США и Англии не скрывали своих надежд, что после овладения Маньчжурией Япония бросится на СССР. Выводы комиссии Лиги наций не оставляли сомнения, что дело обстоит именно так.

Комиссия, признав акт агрессии со стороны Японии, в то же время предложила, чтобы Маньчжурия, оставаясь под китайским суверенитетом, получила «автономию», охраняемую великими державами, то есть высказалась по существу за совместную эксплуатацию Маньчжурии империалистическими государствами. Комиссия признавала «особые права» Японии в Маньчжурии, то есть «право» японских захватчиков держать там свои войска. Западные государства не возражали против превращения Маньчжурии в плацдарм для антисоветской войны, но выступали против эксплуатации Маньчжурии одними только японцами. Доклад комиссии был одобрен Ассамблеей Лиги наций 24 февраля 1933 г.

Однако японские милитаристы не желали пускать своих империалистических соперников в Маньчжурию и

¹ См. «Международные отношения на Дальнем Востоке, 1840—1949», Госполитиздат, 1956, стр. 436.

тем более считаться с их интересами и планами. Взяв курс на завоевание безраздельного господства в Китае, Япония заявила о своем выходе из Лиги наций и немедленно развернула дальнейшие военные операции. Японские оккупанты захватили провинции Жэхэ, Хэбэй и Чахар, а в мае 1933 г. подступили к Пекину.

Так образовался очаг войны на Дальнем Востоке.

Угроза миру существовала не только на Дальнем Востоке. Еще более опасный очаг войны возник в Центральной Европе; в зловещей роли зачинщика мирового конфликта снова выступил германский империализм. Хотя поражение в первой мировой войне ослабило его мощь, однако германские монополии уже десять лет спустя в значительной степени восстановили свои экономические позиции. Они снова выступили на мировых рынках в качестве опасных конкурентов других капиталистических стран.

Чем объяснить, что побежденная Германия в столь короткий срок вновь оказалась в первом ряду империалистических государств?

Здесь не приходится говорить о каких-то особенных свойствах «германского духа» или «германской предприимчивости» и других подобных качествах, о которых так любят распространяться не в меру усердные адвокаты германского империализма. Объективные факты свидетельствуют совсем о другом. Важной причиной быстрого восстановления и усиления германского военного потенциала была огромная помощь со стороны крупнейших монополий США и Англии, которые на протяжении ряда лет представляли своим германским коллегам крупные займы и кредиты, обменивались с ними патентами, заключали всевозможные соглашения. Многие из этих фактов стали после второй мировой войны широко известны общественности, и нет нужды подробно останавливаться на этом. Отметим лишь следующее: большую роль в финансировании германской тяжелой промышленности играли ведущие финансовые группы США — группа Моргана (финансирование германской электротехнической и авиационной промышленности), группа Рокфеллера (обмен патентами и финансирование арсенала германской агрессии «И. Г. Фарбен», финансирование германской военной промышленности), группа Меллона (оказывавшая фи-

нансовую помощь и тесно сотрудничавшая с германской «Ферайнигте алюминииумверке»). Из других крупнейших американских фирм и банков, связанных с немцами, нельзя не упомянуть «Дженерал моторс» и банковские фирмы «Диллон Рид энд компани», «И. Г. Шредер бэнкинг корпорейшн оф Нью-Йорк», «Чейз нейшл бэнк».

Миллиарды и миллиарды долларов пошли на реконструкцию, модернизацию и развитие военной промышленности Германии.

«Вот этот золотой дождь американских долларов оплодотворил тяжелую промышленность гитлеровской Германии и, в частности, военную промышленность. Это миллиарды американских долларов, вложенных заокеанскими монополиями в военную экономику гитлеровской Германии, воссоздали германский военный потенциал и вложили в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления его агрессии»¹.

Активное участие в восстановлении германской тяжелой промышленности, а позднее в финансировании и развитии германской военной экономики принимали ведущие английские монополии и банки: «Империял кемикл индастрис», «Виккерс-Армстронг», «Шредер», «Хиггинс энд К^о» и др.

Опираясь на свою восстановленную промышленную мощь, германские империалисты решили перейти к непосредственной борьбе за рынки сбыта, источники сырья, сферы приложения капиталов, за экономическое и политическое преобладание Германии в мире, то есть, короче говоря, за мировое господство. Как и прежде, наиболее агрессивные круги германского империализма лучшим методом национальной политики считали войну. Однако для выполнения своей программы им нужно было прежде всего выиграть войну в своем собственном доме — войну против трудового народа, ликвидировать классовые организации рабочего класса, подавить его классовое самосознание, отравить душу немецкого народа ядом шовинизма и, извратив все его понятия о реальном положении вещей и соотношении сил в мире, заставить поверить в фантастические перспективы безраздельного господства «Великогермании».

¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», Госполитиздат, 1948, стр. 12.

В то время под влиянием экономического кризиса, массовой безработицы Германия стала ареной острого социального конфликта. Нацисты (германские фашисты, именовавшие себя национал-социалистами), субсидируемые монополиями, развернули безудержную демагогическую пропаганду, обещая безработным работу, крестьянам — аннулирование недоимок, буржуазии — ликвидацию «анархии», то есть подавление рабочего движения, а в области внешней политики — ликвидацию Версальского мирного договора, который зафиксировал поражение Германии в первой мировой войне. Все отчаяние, весь гнев растерявшихся в результате массового разорения мелких буржуа фашисты искусно направляли по каналам разнузданного антикоммунизма и расизма. Даже часть германского рабочего класса поддавалась демагогии гитлеровцев.

Демократические, антифашистские силы Германии были ослаблены расколом рабочего класса, происшедшим по вине оппортунистов. Компартия Германии, получившая на выборах 1932 г. 6 миллионов голосов, предлагала социал-демократической партии, под чьим влиянием была значительная часть рабочего класса Германии, создать единый фронт борьбы против фашизма. Однако лидеры социал-демократов отклоняли предложения коммунистов. Тем самым они облегчили германской буржуазии задачу передачи власти фашистам. 30 января 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером. Правые социал-демократические лидеры «близоруко рассчитывали, что Гитлер справится только с коммунистами и оставит в покое социал-демократов». Поэтому вплоть до мая 1933 года социал-демократическая фракция рейхстага неизменно поддерживала Гитлера. Известно, чем это кончилось: когда социал-демократы были уже не нужны Гитлеру, он опубликовал декрет, в котором было сказано, что «социал-демократическую партию следует считать партией, враждебной германскому народу, партией, против которой должны быть применены те же меры, что и против коммунистической партии». И пошли вслед за коммунистами на каторгу и на плаху тысячи и тысячи честных немецких социал-демократов»¹.

¹ Н. С. Хрущев, К победе в мирном соревновании с капитализмом, Госполитиздат, 1959, стр. 505.

Гитлеровцы ознаменовали свой приход к власти диким, разнузданным террором. Они обрушились с преследованиями на коммунистов, социал-демократов, прогрессивных деятелей из буржуазного лагеря, устраивали еврейские погромы. Фашисты заключили в тюрьму вождя германского рабочего класса Эрнста Тельмана, которого, продержав в тюрьме почти двенадцать лет, они трусливо и подло убили накануне крушения своего проклятого режима. Были брошены в концлагери десятки тысяч передовых деятелей Германии. Лучшие представители науки и культуры — гордость немецкого народа и прогрессивного человечества — Альберт Эйнштейн, Анна Зегерс, Генрих Манн и сотни других выдающихся людей Германии вынуждены были бежать из фашистского ада.

Фашистские варвары уничтожали величайшие культурные ценности, они устраивали костры из произведений, созданных величайшими мыслителями и писателями мира. Начав с похода против демократических элементов, германский фашизм закончил печами Майданека и Освенцима.

История никогда не забудет и не простит фашистским варварам и изуверам их гнусных преступлений!

Приход нацистов к власти означал открытый переход германского империализма к подготовке войны за мировое господство. «Только сила победного меча доставит в будущем землю и тем самым облегчит жизнь нашему народу», — возглашал Гитлер. Фашистские людоеды вопили вслед за своим фюрером: «На развалинах мира водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильной и превратит весь культурный мир в дым и пепел». Вбивая в головы немцам весь этот человеко-ненавистнический бред, гитлеровская клика стремилась превратить немецкий народ в слепое орудие своих кровавых планов.

В обвинительном заключении Международного трибунала по делу главных немецких военных преступников, который заседал в Нюрнберге в 1945—1946 гг., говорится, что гитлеровцы «выдвинули, стали распространять и использовать известные «доктрины», в том числе следующие: «Что люди так называемой «германской крови» (по определению нацистских заговорщиков) являются «высшей расой» и соответственно призваны

покорять, господствовать и уничтожать другие «расы» и народы... Что война является благородной и необходимой деятельностью германцев»¹.

Из всех форм фашизма германская разновидность была наихудшей. «Германский фашизм,— говорил Г. Димитров,— это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и попыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран.

Германский фашизм выступает как *ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского Союза — великого отечества трудящихся всего мира*².

Захватив власть, германские фашисты немедленно приступили к осуществлению выработанной ими и одобренной магнатами германской промышленности программы завоевания мирового господства. Эта программа, как говорится в обвинительном акте Международного трибунала в Нюрнберге, состояла из трех последовательных стадий: ликвидации военных ограничений и территориальных установлений Версаля; присоединения к Германии всех территорий, утраченных ею в результате первой мировой войны, и территорий в Европе, которые должны принадлежать так называемой «германской расе»; захвата территорий других европейских государств и установления безраздельного германского господства в Европе, а также в других частях света.

Во исполнение своего плана гитлеровская Германия, чтобы полностью развязать себе руки, прежде всего заявила в октябре 1933 г. о выходе из Лиги наций. Действуя по заранее согласованному плану, германские монополии немедленно приступили к широкому производству вооружений. Уже в мае 1934 г. германский генералитет вместе с представителями монополий разра-

ботали секретный план вооружений с прямой задачей быстрыми темпами провести приготовления к войне.

Знали ли тогда государственные деятели Англии, Франции, США о военных планах Германии?

Многочисленные документы, опубликованные после второй мировой войны, исторические исследования, мемуары политических деятелей неопровержимо свидетельствуют о том, что лихорадочная подготовка к войне, развернутая в Германии, не являлась тайной. Разумеется, не были известны все детали этой подготовки, но главная линия внутренней и внешней политики Третьего рейха была уже тогда совершенно ясна.

Известный английский консервативный деятель Дафф-Купер, неоднократно занимавший министерские посты, после посещения Германии летом 1933 г. публично заявил: «Германия готовится к войне в таком масштабе и с таким энтузиазмом, которые не имеют примера в истории»¹.

Большая часть английской прессы замолчала выступление Дафф-Купера. Те же газеты, которые сообщили об этом, обвиняли Дафф-Купера главным образом в том, что, если даже его заявление и соответствует действительности, он не имел права говорить об этом!

Несмотря на то что гитлеровские громы шли напролом к реваншистской, захватнической войне, западные державы не оказывали им противодействия, ибо в этом режиме было «нечто такое», что вызывало горячие симпатии правящих классов этих государств. Этим «нечто» был антикоммунизм, провозглашенный Гитлером в качестве государственной доктрины рейха. Главарь фашистского государства на все лады и без усталости твердили, что Германия будет служить «бастионом Запада» против коммунизма, что они, немецкие фашисты, вооружаются для того, чтобы вести войну против Советского Союза, против коммунизма во всем мире.

Реакционные государственные деятели Запада с восторгом повторяли слова Гитлера: «Если мы в настоящее время говорим о новой территории в Европе, то мы можем в первую очередь думать только о России...»

Империалистическая буржуазия западных государств бурно одобряла преследования, которым Гитлер подверг

¹ Duff Cooper, Old Men Forget. The Autobiography, London, 1951, p. 182.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 104—105.

² Г. Димитров, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма, стр. 7.

коммунистов. Английская консервативная газета «Морнинг пост» с удовлетворением отмечала, что Гитлер решил «взять за горло красный призрак». Другая консервативная газета, «Дейли телеграф», писала: «Гитлер решил покончить в Германии, если удастся, с коммунизмом. В этих пределах коса в его руках встретит сочувствие многих доброжелателей в Англии»¹.

Политика западных государств по отношению к фашистской Германии была предрешена классовыми симпатиями финансового капитала западных стран: империалисты Англии, США и Франции оказали гитлеровцам политическую и экономическую поддержку, которую фашистский режим использовал для своего укрепления и быстрой подготовки к войне. Руководители западного мира исходили также из расчета, что в случае, если Германия вместо того, чтобы пойти на СССР, начнет угрожать Западу, они еще сумеют обуздать германских фашистов и заставить их ограничиться ролью авангарда капитализма в антисоветской войне.

15 июля 1933 г. между Великобританией, Германией, Италией и Францией был подписан «пакт согласия и сотрудничества». Этот пакт был одобрен США. Хотя «пакт четырех» не был позднее ратифицирован, он свидетельствовал о склонности западных держав к сговору с фашизмом. То был **первый пакт**, заключенный Англией и Францией с гитлеровцами.

Содействуя укреплению кровавого гитлеровского режима, правящие круги западных держав нанесли тем самым тяжелый удар антифашистским прогрессивным силам в самой Германии, затруднили борьбу немецких патриотов за освобождение народа от фашистского ига.

* * *

Фашизм, выбросивший за борт демократические свободы и права трудящихся, завоеванные в длительной борьбе, фашизм, при помощи которого империалистическая буржуазия осуществляла свою неограниченную власть, представлял серьезную угрозу для народов мира. Эта угроза была тем более опасна, что она исхо-

дила не только от стран, где государственный бандитизм стал узаконенной формой правления (Германия, Италия, Япония), но и от воинствующих империалистических кругов в других странах, стремившихся к установлению своего неприкрытого господства.

Фашизм не был, однако, исторической неизбежностью. Установление террористической диктатуры фашизма могло быть предотвращено и было в действительности предотвращено там, где силы демократии оказались достаточно сплоченными, чтобы остановить наступление реакции.

Угроза фашизма всколыхнула и привела в движение миллионные народные массы, пробудила их к активной борьбе в защиту демократических институтов, своих классовых организаций и в конечном счете жизни своих семей, ибо фашизм означал, кроме всего прочего, войну, ужасную истребительную войну в самом недалеком будущем. Во всем мире поднялось мощное антифашистское движение. И это движение подтвердило со всей непреложностью, что там, где достигнуто единство сил прогресса и демократии, фашизму не пройти. Блестящим примером тому были события во Франции.

6 февраля 1934 г. в Париже вооруженные фашистские отряды попытались захватить власть. Однако народные массы были начеку. Горькие уроки захвата власти фашистами в Германии не прошли даром для французского рабочего класса. Французские фашисты оказались изолированными. Их путч провалился. Французский народ ответил на вылазку фашистов грандиозными манифестациями и всеобщей забастовкой против угрозы фашизма (12 февраля 1934 г.), в которой приняли участие четыре с половиной миллиона человек. Развитие событий помогло широким народным массам осознать, что дальнейшее наступление фашизма и реакции может быть остановлено только объединением всех прогрессивных сил народа в единый антифашистский фронт. По предложению Коммунистической партии Франции коммунисты и социалисты заключили пакт единства действий в борьбе против фашизма и угрозы войны. Этот пакт положил начало Народному фронту во Франции, к которому примкнули затем радикал-социалисты и ряд левобуржуазных политических группировок. 6 февраля 1936 г. Народный фронт одержал внушитель-

¹ «Daily Telegraph». 1. III. 1933.

ную победу на парламентских выборах, в результате чего к власти пришло правительство Народного фронта. В острой борьбе с реакцией, с колеблющимися элементами и пораженцами в самом Народном фронте трудящиеся Франции не только сорвали попытки фашизации страны, но и добились крупнейших в истории рабочего класса Франции социальных завоеваний.

В Испании осенью 1934 г. в ответ на реакционные мероприятия правительства, стремившегося к установлению фашистской диктатуры, вспыхнула всеобщая забастовка, вылившаяся в ряде городов и провинций в вооруженные столкновения с полицией, а в Астурии — в восстание горняков. Несмотря на свирепое подавление восстания и жестокий террор, антифашистское движение в Испании росло и ширилось. Благодаря инициативе компартии было создано единство действий между коммунистами, социалистами и другими республиканскими партиями. Это привело к созданию Народного фронта и его исторической победе на всеобщих выборах 16 февраля 1936 г.

По всему миру в эти годы шла напряженная борьба между силами реакции и силами демократии. В разных странах, в силу особенностей их исторического развития, эта борьба принимала различные формы, но была одна общая черта, характерная для всего международного рабочего и демократического движения в тот период: борьба шла против угрозы фашизма и войны. Интересы этой борьбы требовали прежде всего единства действий всех отрядов рабочего класса, сплочения вокруг пролетариата всех демократов и антифашистов. Эта центральная политическая задача была со всей силой подчеркнута VII конгрессом Коммунистического Интернационала, собравшимся летом 1935 г. Историческое значение VII конгресса Коминтерна заключалось в том, что, до конца раскрыв сущность фашизма, он наметил конкретные пути борьбы против него и против угрозы войны. Главная задача заключалась в борьбе за мир, демократические свободы и национальную независимость. Эта задача могла быть решена путем создания единства рабочего класса и народного фронта. Необходимость активных действий для борьбы против угрозы фашизма и войны осознавали все более широкие массы. Наглядным примером тому были итоги референдума, проведен-

ного в июне 1935 г. «Союзом друзей Лиги наций» в Англии: более 10 миллионов опрошенных англичан высказались за применение к агрессору коллективных экономических и невоенных санкций, около 7 миллионов — за военные санкции.

Антифашистское движение в Европе и в Америке могло стать мощной преградой на пути войны, если бы оно не было серьезно ослаблено отсутствием единства среди демократических сил. «...В большинстве стран правые лидеры партий II Интернационала воспрепятствовали как установлению единства рабочего движения, так и созданию народного фронта. Раскол рабочего движения значительно ослаблял силы противников фашизма и войны»¹.

Усиление антифашистской борьбы вызывало страх и смятение у реакционной буржуазии. Любыми средствами старалась она дезорганизовать, ослабить демократическое движение народов. Там, где пропаганда и подкуп не давали желаемого результата, империалисты прибегали к силе оружия, к прямой интервенции, гражданской войне, как это было, например, в Испании. С другой стороны, правящие классы империалистических государств усилили свои попытки к сговору с фашистскими агрессорами, которых они рассматривали как свой оплот в борьбе с международным демократическим и национально-освободительным движением.

Создавалось положение, когда, с одной стороны, обострялись империалистические противоречия, приводившие к резкому нарушению равновесия в капиталистическом мире, к усиливавшемуся соперничеству за мировое господство, что вело империалистические государства к войне между собой, а с другой — к обострению противоречий между капиталистической системой в целом и единственным в то время социалистическим государством — СССР.

Вопрос заключался в том, какие противоречия окажутся более острыми, как разрешится этот сложный социально-политический конфликт, назревавший во всемирном масштабе. Речь шла, таким образом, о судьбе всего человечества.

¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1959, стр. 453.

* * *

Первые же шаги фашистского германского правительства наглядно подтверждали, что гитлеровская Германия взяла курс на развязывание войны.

10 марта 1935 г. в нарушение договорных обязательств гитлеровский министр авиации Геринг объявил о создании в Германии военно-воздушного флота. 16 марта был издан закон о введении всеобщей воинской повинности, предусматривавший создание полумиллионной армии.

Неделю спустя в Берлин с официальным визитом прибыл министр иностранных дел Великобритании Дж. Саймон в сопровождении лорда-хранителя печати А. Идена. Гитлер заверил английских министров, что планы Германии обращены против востока Европы. 17 апреля Совет Лиги наций ограничился ником и ни к чему не обязывающим формальным осуждением Германии за нарушение Версальского мирного договора. Спустя два месяца английское правительство подписало с Германией морское соглашение, по которому Германии предоставлялось право иметь военно-морской флот в размере 35% от тоннажа английского надводного флота и 45% от тоннажа английского подводного флота с правом последующего доведения подводного флота до полного равенства с английским. Это означало, что Англия по существу признавала утратившими силу соответствующие статьи Версальского договора и открывала Германии дорогу к неограниченному морскому вооружению. Заключая с Германией морское соглашение, правящие круги Англии рассчитывали, что германский военный флот будет использован только для войны против СССР на Балтике. Точно так же отнеслись к этому соглашению и в США.

Англия подписала **второй пакт** с гитлеровцами. Однако в дальнейшем события развернулись совсем не так, как рассчитывали сторонники сговора с агрессором, выдвинувшие самоуспокоительный тезис: свобода рук Германии на Востоке означает гарантию безопасности для Запада. 7 марта 1936 г. германские войска внезапно заняли Рейнскую демилитаризованную область. Вся операция была построена на шантаже, ибо Германия не

располагала тогда силами, достаточными для удержания Рейнской области, и германским войскам был дан приказ отступить из нее в случае сопротивления со стороны французских вооруженных сил. Однако не только вооруженного отпора, но и вообще никакого серьезного ответного шага не последовало. Франция, Англия, Лига наций не приняли никаких мер против грубого нарушения Германией Версальского мирного договора и Локарнских соглашений. И это не было случайным.

Политика Англии и Франции заключалась в том, чтобы сохранить занимаемые ими в мире империалистические позиции, удержать свои обширные колониальные империи, стратегические базы, коммуникации, рынки. В то же время английские и французские империалисты делали ставку на антисоветскую войну не только ради разрешения противоречий со своими империалистическими соперниками и уничтожения первой страны социализма, но и для того, чтобы захватить новые территории, рынки, сферы влияния.

Усиливая немецкий военный потенциал экономически и политически, подталкивая Германию на восток, правящие круги Англии, Франции и США считали это лучшим способом разрешения их обострившихся противоречий с германским конкурентом.

Но объективный ход развития был таков — а иным он и не мог быть, — что, чем больше германские монополии получали от западных государств, тем больше разгорались их захватнические аппетиты. Поставив своей целью ведение войны за мировое господство, германский империализм старался в кратчайшие сроки вооружиться, милитаризовать экономику, овладеть необходимыми для войны экономическими ресурсами, подготовить выгодные стратегические плацдармы, ослабить, разобщить своих ближайших потенциальных противников, подорвать их моральную стойкость, способность к сопротивлению и бить затем поодиночке. Надо сказать, что гитлеровской Германии удалось в значительной степени осуществить свой план.

После захвата власти нацисты немедленно приступили к перестройке экономики Германии для нужд войны. Вся германская промышленность была объединена по отраслям и во главе каждой отрасли поставлены правительственные уполномоченные (ими являлись круп-

нейшие немецкие монополисты), добивавшиеся полного перевода промышленности на военные рельсы. Сотни предприятий, которые не могли быть использованы в военных целях, были закрыты. Путем резкого сокращения потребления населения, увеличением налогов, введением обязательной трудовой повинности, усилением эксплуатации рабочего класса германские фашисты в короткий срок значительно увеличили удельный вес военной промышленности в хозяйстве страны. С 1933 по 1939 г. на вооружение была израсходована колоссальная сумма в 90 миллиардов рейхсмарок. Ежегодно Германия тратила две трети своего бюджета на подготовку войны.

Наиболее уязвимым местом германской военной экономики было отсутствие одних и острая нехватка других видов стратегического сырья. Западные государства, рассчитывая, что Германия пойдет войной против СССР, не только сами снабжали ее важным стратегическим сырьем, но на первых порах облегчали ей доступ к источникам сырья, находившимся вблизи СССР, на территории стран дунайского бассейна. Во второй половине 30-х годов влияние Германии — экономическое и политическое — в этих государствах резко возросло к прямому ущербу для интересов империалистов Англии и Франции. Германия постепенно превращала этот район в свой аграрно-сырьевой придаток. Гитлеровцы рассчитывали создать в этих странах перевес сил в пользу прогерманской, профашистской ориентации, ликвидировать довольно значительное влияние Англии и Франции, разрушить систему французских союзов в Восточной Европе — основу безопасности Франции, создать на территории государств Балкано-Дунайского района свои передовые укрепления для ведения будущей войны.

Фашистские и профашистские реакционные партии и организации в этих государствах получали поддержку и щедро субсидировались гитлеровской Германией. «Железная гвардия» в Румынии, хортисты и «Скрещенные стрелы» в Венгрии, хорватские усташи, «Судето-немецкая партия» в Чехословакии рьяно выполняли задания Берлина, стремясь впрячь народы Восточной Европы в колесницу германского империализма.

Гитлеровская дипломатия искусно разжигала национальную рознь, поддерживала захватнические стремления буржуазии этих стран, направляла одно государ-

ство на другое и грела на всех этих распрях руки. Гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп говорил, касаясь распрей между Венгрией и Румынией из-за Трансильвании: «Основная идея нашей политики по отношению к Венгрии и Румынии в настоящее время — держать оба эти утюга в раскаленном состоянии и уладить дела в интересах Германии, применительно к развязке событий»¹.

Гитлеровцы разжигали также противоречия между Болгарией и ее соседями, снабжали Болгарию оружием, подогревая там воинственные настроения.

Если Англия и Франция и были готовы в какой-то мере примириться с преобладанием Германии в этой части Европы в надежде, что за этим последует ее нападение на Советский Союз, то дальнейшее продвижение Германии на юго-восток вызывало у западных держав, и особенно в Лондоне, растущую тревогу. В Турции германские монополии вытеснили английские по ввозу туда угля, кокса, машин, металлических изделий². Германия заняла второе место во внешней торговле Ирана, Египта, Палестины, зарилась на нефтяные промыслы в Ираке, громко требовала возвращения утраченных ею после первой мировой войны колоний (Юго-Западная Африка, Того, Камерун, Танганьика). Экспансия германского империализма была обращена прямо против жизненных артерий Британской империи, угрожала несметным прибылям английских нефтяных компаний в Ираке и Иране, золотодобывающих и алмазных концернов в Южной Африке. Не было буквально ни одного уголка на земном шаре, где бы не сталкивались интересы Германии и Англии. В последние предвоенные годы Германия серьезно потеснила Англию и США на их традиционных рынках в Латинской Америке, где рост влияния Германии, ее доли в экономике этих стран был прямо пропорционален падению влияния западных держав.

Германскому наступлению Англия пыталась воспрепятствовать высокими пошлинами на германские товары, усилением протекционизма, увеличением государственных субсидий английскому экспорту, контрнаступлением

¹ Documents on German Foreign Policy (1918—1945). Series D, vol. V, № 254, p. 340—341.

² Olivier Long, Les Etats-Unis et la Grande-Bretagne devant le III-e Reich (1934—1939), Genève, 1943, p. 260.

(совместно с Францией) на Балканах, некоторым соглашением с США. Наконец, Англия пыталась применить против Германии политику так называемого «двойного действия», то есть, с одной стороны, попытаться войти с ней в соглашение о разрешении противоречий путем предоставления Германии свободы рук против Советского Союза, а с другой — вооружаться.

В сложном комплексе противоречий между так наз. буржуазно-демократическими государствами и фашистскими агрессорами главную роль играли англо-германские противоречия. Германия угрожала не только Англии, но и Франции и Соединенным Штатам Америки. На этой почве обострялись германо-французские и германо-американские противоречия.

Германо-французские противоречия вытекали прежде всего из стремления гитлеровской Германии к реваншу, к военному разгрому Франции, к низведению ее до положения второстепенной державы и установлению своей гегемонии на европейском континенте. Отсюда курс Германии на разрушение системы союзов Франции в Европе — с Чехословакией, Румынией, Польшей, Югославией. Германии удалось перед второй мировой войной добиться этой цели: Франция оказалась в состоянии изоляции на континенте.

Германо-американские противоречия вытекали из стремления обоих этих государств к мировой гегемонии. Позиция Соединенных Штатов Америки накануне второй мировой войны создавала впечатление противоречивости. Некоторую роль играло то обстоятельство, что президент США Франклин Д. Рузвельт, будучи по своим личным убеждениям буржуазным либералом, относился отрицательно к фашистскому режиму, однако его действия в качестве главы сильнейшего империалистического государства определялись прежде всего империалистическими интересами американской буржуазии. США старались помешать образованию блоков государств, которые могли быть направлены против них. Военно-политический союз Германии и Японии, создававший угрозу американским позициям на Тихом океане и в Китае, а также в Европе, откровенный курс фашистов на захват господства над миром угрожал интересам Соединенных Штатов Америки.

Рузвельт и стоявшая за ним влиятельная группи-

ровка американских монополий, с одной стороны, старались использовать противоречия внутри фашистского блока в интересах США. Отсюда заигрывание с наиболее слабым партнером фашистской группировки — Италией, отчасти с Германией, попытки достижения сепаратного соглашения с Японией. С другой стороны, США беспокоило стремление Англии договориться с Японией и Германией без участия США. Возможность возобновления англо-японского союза, который мог при определенных обстоятельствах обратиться своим острием против США, усиливала антианглийские настроения. Попытки англо-германского сепаратного сговора вызывали небезосновательные подозрения о возможности совместного англо-германского экономического наступления на позиции США в Латинской Америке — вотчине американских монополий. Как известно, в марте 1939 г. Англия и Германия действительно подписали в Дюссельдорфе соглашение о совместном наступлении на американские экономические позиции на рынках других стран. В то же время США опасались, что ослабление Англии и Франции приведет к захвату фашистским блоком обширных колониальных империй этих государств с их неисчерпаемыми запасами сырья и стратегически выгодно расположенными территориями. Соединенные Штаты и сами были не прочь при благоприятных обстоятельствах воспользоваться британским и французским «наследством». Эта тенденция, между прочим, нашла свое ясное выражение во время и особенно после второй мировой войны.

Глубокое влияние на политику Соединенных Штатов Америки перед второй мировой войной оказывали антисоветские тенденции и планы правящих классов страны, готовых поддержать те капиталистические государства, которые первыми напали бы на Советский Союз.

В правящем лагере США существовали серьезные разногласия по вопросам внешней политики. Шла непрерывная борьба между приверженцами различных внешнеполитических курсов. Изоляционисты, опиравшиеся на поддерживавшее их большинство конгресса США, на профашистские реакционные организации, требовали не мешать гитлеровской Германии в ее агрессии, отказываться от помощи жертвам агрессии, ибо все помыслы фашистского рейха, утверждали они, обращены на

восток, против Советского Союза. Западным же демократиям Германия не угрожает, и тем более фашистская агрессия не представляет угрозы для Западного полушария, отделенного от Европы океаном.

Антиизоляционисты, которых поддерживал и сам президент США, полагали, что не существует гарантии, что гитлеровская Германия не повернет против Запада, против Англии и Франции и в конечном счете не будет угрожать самим Соединенным Штатам, их экономическим и политическим интересам. Антиизоляционисты считали ошибочным бездействовать до того момента, пока Германия сокрушит одного за другим потенциальных союзников США и перенесет свою агрессию в Западное полушарие. Как изоляционисты, так и их противники отстаивали, каждый со своей точки зрения, наиболее благоприятный момент для осуществления империалистических планов США. Все это, а также соперничество между американскими монополиями с их нередко резко противоположными интересами определяли политику Соединенных Штатов Америки.

Эта политика перед второй мировой войной заключалась в подготовке и использовании всех возможностей для усиления роли США как главы капиталистического мира и завоевания в конечном счете мирового господства. Правящие круги США были готовы способствовать антисоветскому сговору империалистических государств, исключая при этом возможность антиамериканских тенденций в такого рода сговоре.

В этом состояла империалистическая и антисоветская сущность американской формы политики сговора с агрессорами.

Воплощением политики пособничества агрессору, американской формой ее была принятая 31 августа 1935 г. объединенная резолюция конгресса «о нейтралитете». Эта резолюция в дальнейшем была расширена и превращена в постоянный закон о нейтралитете, вступивший в силу 1 мая 1937 г. Закон запрещал продажу оружия и военных материалов воюющим странам. Практически он был на руку агрессорам, так как агрессор заранее готовится к войне, создает большие запасы вооружения. Резолюция «о нейтралитете» была принята накануне итало-эфиопской войны, когда жертва агрессии — Эфиопия крайне нуждалась в оружии. Практическое приме-

нение закона о нейтралитете во время итало-эфиопской войны в 1935—1936 гг., а затем во время интервенции фашистских агрессоров в Испании в 1936—1939 гг. показало, что «нейтралитет» США в обстановке того времени означал фактическое содействие фашистским агрессорам. В этом плане политика США ничем по существу не отличалась от англо-французской политики «невмешательства».

В конечном счете интересы Соединенных Штатов Америки, для которых германская и японская экспансия представляла немедленную угрозу, имели больше точек соприкосновения с интересами Англии и Франции, нежели с интересами держав фашистской «оси». Вот почему происходило постепенное сближение, перешедшее в самый канун войны в негласное сотрудничество и вылившееся уже в ходе второй мировой войны в англо-американский союз.

Накануне второй мировой войны существовал неофициальный англо-французский союз, оформившийся в марте 1940 г. В результате обострения противоречий с фашистскими государствами Англия, Франция и США оказались вынужденными, когда Германия, Италия и Япония начали войну, совместно отстаивать свои империалистические интересы, а позже и свою национальную независимость.

Что касается фашистского блока, то он сложился в ходе борьбы фашистских государств за передел мира.

3 октября 1935 г. фашистская Италия послала вооруженную до зубов армию против беззащитной Эфиопии и после упорной борьбы захватила ее. Ни Англия, ни Франция, ни США, ни Лига наций не препятствовали этому разбойничьему акту.

18 июля 1936 г. в Испании вспыхнул военно-фашистский мятеж, подготовленный с помощью Германии и Италии и не без ведома реакционных кругов других западных держав. Германия и Италия послали туда свои войска, угрожая имперским коммуникациям Англии и Франции. Между Германией и Италией началось быстрое сближение, которое привело к созданию фашистской «оси» Берлин — Рим. 24 октября 1936 г. было подписано соглашение, по которому обе стороны устанавливали между собой военное сотрудничество.

25 ноября 1936 г. Германия и Япония подписали так

называемый антикоминтерновский пакт. По секретному соглашению, которое стало известно после второй мировой войны, Германия и Япония обязались не заключать с Советским Союзом каких-либо политических соглашений, несовместимых с духом пакта. Антисоветский и агрессивный смысл этого соглашения был изложен японским министром иностранных дел Арита на заседании Тайного совета предельно ясно: «Отныне Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией».

В то же время «антикоминтерновский пакт», означавший, что Германия и Япония подписали военно-политическое соглашение для совместного насильственного передела мира, был обращен и против империалистических соперников фашистской группировки — против США, Англии и Франции. Но именно этой стороны «антикоминтерновского пакта» правящие круги западных держав постарались «не заметить» и успокаивали взволнованное общественное мнение заявлениями, что пакт имеет сугубо идеологический характер и направлен лишь против коммунизма.

В ноябре 1937 г. к пакту примкнула Италия. Так создавался блок фашистских агрессоров, который оформился окончательно в военно-политический союз в 1939—1940 гг.

Каковы же были цели фашистского блока?

Их общие цели заключались в войне против первого в мире социалистического государства — СССР. В этом их планы сходились с замыслами реакционных кругов Англии, США и Франции. Фашистские агрессоры стремились к вооруженному переделу мира путем военного поражения Англии, Франции, США, захвата колоний, сырьевых ресурсов, рынков. Цели агрессоров заключались, далее, в создании так называемого «нового порядка», при котором всем остальным народам предназначалась участь рабов, обслуживающих «высшую расу». Они готовили массовое истребление прогрессивных элементов всех народов, чтобы установить во всем мире кровавую диктатуру фашизма. Таким образом, фашистский блок стремился к безраздельному господству в мире.

Конкретные цели каждого из участников фашистского блока были такими:

гитлеровской Германии — разгром и порабощение Советского Союза, захват его территории «до Урала», ликвидация государственной самостоятельности и национальной независимости всех без исключения европейских государств, истребление ряда народов, в первую голову славян и евреев, установление гегемонии в Европе и неограниченной власти над миром «народа господ» — немцев, захват колоний Англии и Франции в Азии и Африке. Гитлеровцы также планировали захват американского континента, включая США.

милитаристской Японии — захват территории Советского Союза «от Тихого океана до Урала», военный разгром Соединенных Штатов Америки, захват колониальных владений европейских держав в Юго-Восточной Азии и установление полного господства на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, безраздельное владение «японской расы» в оккупированных районах;

фашистской Италии — захват французских провинций Ниццы, Савойи и Корсики, раздел Балкан с Германией и оккупация Албании, Югославии, Греции, Кипра, Мальты, Гибралтара, Суэцкого канала, превращение Средиземного моря в «итальянское озеро». Итальянские фашисты собирались прибрать к рукам французские владения в Северной Африке, захватить Египет и английские колонии в этом районе.

Вопрос заключался в том, как фашистские агрессоры попытаются произвести передел мира, кто будет ими намечен в качестве первой жертвы. Тут могли быть разные варианты: войну можно было, например, начать против экономически слаборазвитых стран с полуколониальным режимом. По этому пути пошла японская военщина, захватив в 1931 г. северо-восточные провинции Китая (Маньчжурию), а в 1937 г. спровоцировав китайско-японскую войну, которая на первых порах принесла Японии успех и позволила ей захватить огромные куски территории Китая. По тому же пути следовали и итальянские фашисты, которые в 1935 г. предприняли захватническую войну против Эфиопии.

Агрессия фашистской Германии развивалась иначе. Она угрожала прежде всего империалистическим державам Запада — обладателям величайших колониальных империй, государствам Центральной и Юго-Восточной Европы и великой социалистической державе — СССР.

ГЛАВА II

ПОЛИТИКА ПОСОБНИЧЕСТВА АГРЕССОРУ И ПОЛИТИКА КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Итак, фашистские агрессоры открыто взяли курс на развертывание подготовки войны. Как же относились к этому западные державы и Советский Союз? В этой сложной обстановке явственно обозначились две линии в международных отношениях — одна линия правительств Англии, Франции и США, известная под названием политики пособничества агрессорам, политики «невмешательства», другая — Советского Союза — политика коллективной безопасности.

На первый взгляд политика пособничества агрессорам и «невмешательства» представляется бессмысленной. В самом деле, фашистские державы усиливались, захватывая одну страну за другой, грубо нарушали экономические, политические и стратегические интересы США, Англии и Франции в различных частях земного шара, а три западные державы либо ограничивались словесными протестами, либо оказывали прямое или косвенное содействие агрессорам и бросали на произвол судьбы народы Китая, Эфиопии, Испании, Австрии, Чехословакии, хотя закабаление этих стран усиливало опаснейших конкурентов Англии, Франции и США.

Быть может, политика «невмешательства» объяснялась военной слабостью и неподготовленностью США, Англии и Франции? В их военной подготовке имелись, без сомнения, крупные пробелы. Но, во-первых, с 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, времени было вполне достаточно, чтобы эти пробелы восполнить, а, во-вторых, западные державы были значительно сильнее агрессоров.

В докладе на XVIII съезде ВКП(б) Д. З. Мануильский указывал: «Преимущества материальной силы несомненно на стороне так называемых демократических государств. Эти государства располагают населением в *три* раза больше, чем блок агрессоров, производят стали в 1,5—2 раза больше, вырабатывают в *два* раза больше электроэнергии, выпускают в *четыре* раза больше автомобилей, добывают в *пятьдесят пять* раз больше жидкого топлива, в *девять* раз больше текстильного сырья, в *четыре* раза больше продовольствия; они могут покрыть полностью свои сырьевые потребности, в то время как блок агрессоров имеет даже в мирное время дефицит в размере 50—55%; их наличные золотые запасы в *сорок девять* раз превосходят золотые резервы фашистских государств. Их производственные возможности в самолетостроении, моторизации армии, ее военно-технической оснащенности далеко превосходят самые смелые расчеты фашистского блока; морской флот Франции, Англии и США в *два* раза сильнее, чем флот Германии, Италии и Японии»¹.

Английское правительство располагало достоверной информацией из немецких военных кругов, которая подтверждала, что перед угрозой вооруженного отпора гитлеровцы вынуждены были бы отступить, умерить свои захватнические аппетиты.

Однако Англия, Франция и США не только не использовали свои преимущества для обуздания агрессоров, но, наоборот, в ущерб собственным национальным интересам помогали фашистам усилить их военно-промышленную базу. Вплоть до самого начала войны они снабжали фашистские государства военно-стратегическим сырьем. Вот факты.

Германия закупала у неагрессивных государств от 40 до 50 % пшеницы, масел, хлопка, железной, свинцовой, цинковой, хромовой руды и цинка; от 50 до 75 % кукурузы, шерсти, джута, льна, угля, нефти, алюминия, 90 % необходимого ей каучука, 85 % марганцевой руды, 80 % медных руд, 100 % никелевой руды, 80 % чугуна и железа, 93 % металлического лома, 77 % меди, 75 % никеля, 92 % олова, 96 % кокса.

¹ «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», М., 1939, стр. 57.

Основными поставщиками Германии были: железной руды — Британская империя, Франция и ее колонии, Бельгия и Бельгийское Конго; чугуна и металлического лома — Британская империя, Бельгия, Франция, Голландия и США.

Чем ближе надвигалась опасность войны, тем интенсивнее снабжали эти страны германских империалистов нужным им сырьем. Закупки Германией стратегического сырья в 1938 г. по сравнению с 1936 г. увеличились по меди на 85%, по медной руде — на 35, по марганцевой руде — на 90, по алюминию — на 200, по никелевой руде — на 90%¹.

Известный английский экономист Пауль Эйнциг писал накануне войны: «Если когда-нибудь настанет судный день, то ответственность за гибель британских солдат и гражданского населения придется возложить на снисходительную позицию английского правительства. Военные материалы, которые, возможно, будут использованы против Англии, могли быть произведены только благодаря той щедрости, с которой Великобритания предоставляет своему врагу свободу маневрирования биржевыми ценностями для закупки сырья»².

Подобная же политика проводилась западными державами и по отношению к милитаристской Японии. США и Англия были главными поставщиками стратегического сырья для Японии. Вместе с Британской империей США поставляли Японии 72%¹ всех военных материалов и сырья. Общий удельный вес США в японском импорте составлял 54,4%, а по отдельным статьям еще больше: медь — 92,2%, автомобили — 91,2, нефть — 60,6, чугун — 41,6, железный лом — 59, машины и танки — 45,5%¹. Лишь в 1939 г. экспорт в Японию из США был наконец ограничен. Известный американский деятель, занимавший посты государственного секретаря и военного министра, Генри Стимсон писал: «В течение трех лет громадные ресурсы нашей страны посылались в значительной мере для содействия злодеяниям на Дальнем Востоке... Если не считать Америки, то имеется мало стран, где Япония могла бы приобрести эти необходимые для агрессии материалы».

Каковы же были причины политики пособничества агрессору и «невмешательства»?

Они заключались прежде всего в том, что ее поборники в Лондоне, Париже и в Вашингтоне делали ставку на войну Германии против СССР в Европе и на войну Японии против СССР в Азии. Правящие круги США, Англии и Франции рассчитывали задобрить гитлеровцев и японских милитаристов, поставить Советский Союз в положение изоляции и этим поощрить Гитлера к нападению на нашу Родину. Монополистические круги западных держав надеялись, что, инспирировав войну против СССР, они обезопасят себя и свои колонии от возможного нападения Германии и Японии. Правительства западных держав предполагали руками Германии ослабить, а быть может, и уничтожить Советский Союз, а вместе с тем и ненавистный им социалистический строй. Заодно были бы ослаблены Германия и Япония, как опасные конкуренты. Пока лилась кровь, три западные державы сохранили бы свои силы свежими, а затем выступили бы в роли арбитров и таким образом обеспечили бы свое преобладание в мире.

Правящие круги Англии, Франции и США, страшась международного рабочего и национально-освободительного движения, мечтали использовать германских и японских империалистов в качестве душителей освободительных движений, готовили им роль жандармов Европы и Азии.

В этом заключался антисоветский и антинародный смысл политики «невмешательства».

Поощряя и толкая гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию на войну против СССР, западные державы тем самым укрепляли внутривластическое положение германских фашистов и японской военной клики, объективно затрудняли борьбу прогрессивных сил немецкого и японского народов за свободу и демократию.

В этом смысле политика «невмешательства» и сговора с агрессорами была направлена против немецкого и японского народов.

Сущность политики «невмешательства» не осталась скрытой от Советского Союза. В выступлениях того времени советских государственных деятелей содержалась резкая критика политики сговора с агрессорами.

¹ «Economist», 20. V. 1939.

² Paul Einzig, World Finance 1938—1939, London, 1939, pp. 119—120.

Смысл политики «невмешательства» был вскрыт в отчетном докладе Центрального Комитета ВКП(б) XVII съезду партии, сделанном И. В. Сталиным: «Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны,— следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!»¹

✓ Совершенно иные цели преследовал Советский Союз. Как известно, с первых же дней существования нашего государства краеугольным камнем советской внешней политики была борьба за сохранение мира между народами. Начиная с ленинского Декрета о мире и далее на всем протяжении истории великой социалистической державы генеральная линия советской внешней политики заключалась в использовании всех доступных средств для борьбы с агрессией, с войной, с гонкой вооружений, за мирное сосуществование. Такая линия естественно вытекает из самого существа социалистического государства, главная цель которого состоит в построении коммунистического общества, в создании условий для мирной и счастливой жизни народа.

«...Самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики нашего государства,— указывал В. И. Ленин,— определяются экономическими интересами, экономическим положением господствующих классов нашего госу-

¹ «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», стр. 13.

дарства»¹, то есть рабочих и крестьян. Что же может дать им война, кроме жертв и бедствий? Ровно ничего. Все интересы трудящихся требуют мира. Мира требуют конечные общеполитические цели трудящихся классов, заключающиеся в построении нового общества. Для советского народа, развернувшего в 30-е годы гигантскую созидательную работу, мир был необходимым условием завершения построения социалистического общества.

Естественно, что империалистические, захватнические цели совершенно чужды самой природе социалистического государства. Мир, безопасность народов — вот чем руководствовался и руководствуется Советский Союз в своей внешней политике.

СССР всегда строил свои отношения с капиталистическим миром на основе уважения независимости и суверенитета всех стран и народов, независимо от образа правления и социального строя, установленного в той или другой стране, на принципах невмешательства во внутренние дела других государств. Наша Родина всегда последовательно выступала за мирное сосуществование двух общественных систем — капиталистической и социалистической.

Последовательно и неизменно Советский Союз выступал против войны, против гонки вооружений. В годы, когда угроза миру со стороны фашистских агрессоров становилась все более очевидной, Советский Союз выдвинул проект конвенции об определении агрессии, проект, который ставил нарушителей мира в такие условия, при которых угроза миру и всеобщей безопасности могла бы быть быстро локализована и ликвидирована.

Особенно важным было следующее положение конвенции, прямо направленное против разбойничьей практики империалистов:

«Никакое соображение политического, стратегического или экономического порядка, ни стремление к эксплуатации на территории атакуемого государства естественных богатств или к получению всякого рода иных выгод или привилегий, так же как и ни ссылка на значительные размеры вложенного капитала или на другие особые интересы, могущие иметься на этой территории, ни

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 329.

отрицание за ней отличительных признаков государства, не могут служить оправданием нападения...»¹

Это определение легло в основу конвенций, заключенных Советским Союзом со многими своими соседями.

Советское правительство выдвинуло и развило в годы нарастания угрозы фашистской агрессии знаменитую формулу «мир неделим». Эта формула означала, что любой конфликт, возникший даже в самом отдаленном уголке земного шара, затрагивает интересы всех государств, стремящихся к сохранению мира. Но если мир неделим, то и сохранить его можно только общими усилиями, системой коллективной безопасности. Принцип коллективной безопасности состоит в объединении усилий всех государств данного географического района для решения общей задачи борьбы против агрессии и за сохранение мира в противоположность империалистической практике создания военных блоков, то есть замкнутых военных группировок государств, противопоставляющих одну группу государств другой.

С конца 1933 г. Советский Союз прилагал все усилия к тому, чтобы организовать в Европе систему коллективной безопасности. Поскольку германская агрессия самым непосредственным образом угрожала государственным интересам и национальной независимости Франции и Англии, не говоря уж об Австрии, Чехословакии, Польше, Румынии и других государствах Европы, то имелись основания рассчитывать, что все они готовы будут объединиться, чтобы вместе с СССР оказать сокрушительный отпор агрессору. В большинстве европейских государств, и прежде всего во Франции, широкие массы народа требовали создания системы коллективной безопасности. Даже в среде буржуазии, не говоря уже о народных массах, имелись влиятельные круги, выступавшие в пользу такой системы и прежде всего за объединение великих держав, включая Советский Союз, для борьбы против агрессии.

В 1934 г. Советский Союз совместно с Францией выдвинул проект договора о коллективном обеспечении безопасности в Европе, известный под названием Восточного пакта. Участниками договора должны были стать все государства Центральной и Восточной Европы,

¹ «Сборники документов по международной политике и международному праву», вып. VI, № 12, стр. 61—62.

включая Советский Союз, и, кроме того, Франция. Однако этот проект был сорван совместными усилиями английского империализма, гитлеровской Германии и панской Польши. После того как выяснилось, что проект объединения широкого круга европейских государств для борьбы против агрессии потерпел неудачу, Советское правительство в 1935 г. заключило договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Если бы постановления этих договоров были применены на практике, как на том настаивал Советский Союз, было бы создано достаточно серьезное препятствие для фашистской агрессии.

В 1934 г. Советский Союз вступил в Лигу наций. С момента своего возникновения эта Лига была орудием империалистической политики Англии и Франции. Однако после возрождения германского империализма и возобновления германской агрессии, когда Англия и Франция в силу обстоятельств на какой-то срок оказались в состоянии обороны от натиска фашистских держав, Лига в некоторой мере могла бы содействовать борьбе против агрессоров. В своем стремлении не упустить ни одной возможности для борьбы за предотвращение войны, правительство СССР широко использовало трибуну Лиги наций как для разоблачения замыслов агрессоров и их пособников, так и для выступлений за проведение практических мер по обузданию фашистских захватчиков. Советское правительство смело и последовательно поддерживало в Лиге наций государства, ставшие жертвами фашистской агрессии,— Китай, Эфиопию, Испанию и другие.

Последовательную политику обеспечения мира проводил Советский Союз и на Дальнем Востоке. В 1932 и 1933 гг. Советский Союз неоднократно предлагал Японии подписать пакт о ненападении. В марте 1936 г. Советский Союз заключил договор о взаимной помощи с Монгольской Народной Республикой. Договор этот строго соблюдался обеими сторонами и стал серьезным фактором безопасности на Дальнем Востоке.

Принципиальная противоположность линии Англии, Франции и США и линии СССР в международной политике отчетливо проявилась в годы перед второй мировой войной в отношении к агрессивным действиям фашистских государств.

Взять, например, агрессию Италии против Эфиопии.

У Советского Союза на протяжении многих лет были хорошие отношения с Италией. Война на территории Эфиопии не угрожала непосредственно безопасности СССР, скорее она угрожала интересам Англии и Франции. Однако Советский Союз считал, что любая вылазка агрессора потенциально угрожает безопасности каждого государства. Наша страна всегда выступала в защиту, оказывала помощь слабым народам, выполняя тем самым свой интернациональный долг. В силу этого Советский Союз высказался за наиболее полное осуществление санкций по отношению к Италии и был одним из инициаторов предложения наложить запрет на ввоз в Италию нефти.

Как же отнеслись к агрессии Италии США, Англия и Франция? Они фактически признали наглый захват Эфиопии, а спустя несколько лет и формально санкционировали его. Между тем завоевание Эфиопии Италией было по стратегическим интересам Англии и Франции, так как расширяло возможности будущей итальянской агрессии против колониальных владений этих держав. Причины такой политики в этом вопросе заключались в желании сохранить фашистский режим в Италии, которому грозил крах в случае провала авантюры в Эфиопии. Так государственные интересы Англии и Франции были отодвинуты в сторону ради классовых интересов правящих групп этих стран.

Какова была позиция Советского Союза по отношению к событиям в Испании в 1936—1939 гг.?

В июле 1936 г. испанские реакционеры вкупе с германскими и итальянскими фашистами разожгли гражданскую войну в Испании. Фашисты ставили далеко идущие задачи: уничтожить революционные завоевания испанского народа, установить на испанской земле фашистский режим, утвердиться на Пиренейском полуострове, чтобы зайти в тыл Франции, создать угрозу английской стратегической системе Мальта—Гибралтар—Суэцкий канал, подготовить плацдарм для захвата французских и английских колониальных владений в Африке. Германо-итальянские интервенты бросили в Испанию свои войска, самолеты, танки, военно-морской флот.

Англия и Франция сразу же объявили о своем «не-

вмешательстве» в испанские дела. На практике законному испанскому правительству было отказано в закупке оружия, необходимого для борьбы с мятежниками. Это означало фактическое установление блокады Испанской республики.

9 сентября 1936 г. в Лондоне был создан «Комитет по невмешательству в испанские дела» из представителей 27 государств. Участники соглашения о невмешательстве обязались не продавать вооружения Испании и не пропускать их туда через свою территорию из других стран.

США фактически поддерживали политику Англии и Франции. Еще 8 января 1937 г. был наложен запрет на вывоз вооружения в Испанию. В условиях борьбы испанского народа с вооруженными до зубов агрессорами политика «нейтралитета» США была тяжелым ударом для Испании. Бывший посол США в Испании Клод Бауэрс свидетельствует в своих мемуарах: «Наш закон о нейтралитете действовал в интересах агрессора»¹.

Для того чтобы сбить с толку широкую общественность, буржуазная пропаганда западных государств изодня в день утверждала, что отказ от «невмешательства» спровоцирует европейскую войну. Чтобы избежать ее, не следует-де «раздражать» фашистских агрессоров!

Фарисейство этого утверждения очевидно. В ту пору Германия и Италия были недостаточно подготовлены в военном отношении. Решительная позиция Англии и Франции не только спасла бы Испанскую республику, но и предотвратила бы войну в Европе. Известный английский военный писатель Лидлл-Харт писал в то время: «Стратегические выгоды — на стороне Франции и Британии. Они могут прекратить интервенцию. Эти выгоды, которыми мы обладаем, делают риск вызвать войну невероятным»². Однако западные державы и не помышляли об отпоре агрессору.

Народы единодушно клеймили поведение правящих кругов Англии, Франции и США. Во всем мире развернулась массовая кампания в защиту Испанской республики. Лучшие сыны человечества — представители более 50 стран — отправились на поля сражения в Испа-

¹ Claude G. Bowers. My Mission to Spain. New York, 1954, p. 403.

² «Daily Herald», 10. III. 1939

нии, чтобы там с оружием в руках отстаивать мир и демократию от фашистских разбойников. Война в Испании стала, таким образом, авангардной битвой второй мировой войны.

В первых рядах движения демократических сил в защиту Испании был Советский Союз, выступивший с самого начала на стороне законного испанского правительства. Отношение нашей страны к испанским событиям было с предельной ясностью выражено в телеграмме И. В. Сталина Хосе Диасу от 16 октября 1936 г. В ней указывалось, что «освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества»¹.

Советский Союз принял участие в работах «комитета по невмешательству» для того, чтобы оказывать помощь Испанской республике своими предложениями, чтобы облегчить борьбу испанского народа с интервентами и разоблачить преступные замыслы германских и итальянских фашистов и их пособников. Кроме того, присутствие советского представителя в «комитете по невмешательству» препятствовало превращению комитета в центр антисоветских заговоров и подготовки войны против нашей Родины.

Действия Советского Союза в какой-то мере ограничивали помощь мятежникам. В частности, СССР выступил активным участником конференции по борьбе с пиратством на Средиземном море; конференция приняла некоторые меры к недопущению нападения германских и итальянских военных судов на торговые суда других стран, следовавшие в порты республиканской Испании.

Находясь в «комитете по невмешательству» до 1 марта 1939 г., Советское правительство энергично боролось за прекращение интервенции, за предоставление испанскому правительству права на свободную закупку оружия за границей и провоза его в Испанию, против предоставления мятежнику Франко прав воюющей стороны. Но когда после начала работы «комитета по невмешательству» со всей очевидностью выявилось, что остальные участники невмешательства проводят политику в ущерб интересам законного испанского прави-

тельства, к прямой выгоде мятежников и интервентов, Советский Союз заявил, что он не считает себя связанным соглашением о невмешательстве в большей степени, чем другие его участники¹. Советский Союз поэтому оказывал Испании не только моральную и дипломатическую поддержку, но не упускал возможности для усиления мощи республиканской Испании.

Какова была политика СССР по отношению к японской агрессии в Китае?

В то время как в Европе разворачивалась агрессия германского и итальянского фашизма, на Дальнем Востоке японские милитаристы тоже не теряли времени. В июле 1937 г. началось японское вторжение в Северный Китай. Из-за предательства Чан Кай-ши и проводимой Англией, США и Францией политики «невмешательства» Японии удалось в короткий срок овладеть важнейшими экономическими и политическими центрами Китая — Пекином, Тяньцзином и Шанхаем.

Несмотря на то что японцы захватывали и конфисковывали принадлежащую Англии и США собственность, почти парализовали торговлю этих государств с Китаем, Англия и США и пальцем не пошевелили, чтобы положить предел японской агрессии. Они по-прежнему строили свои планы на развязывание антисоветской войны на Дальнем Востоке и рассчитывали руками японских оккупангов справиться со все усиливающимся народно-освободительным движением китайского народа, которое возглавляла славная Коммунистическая партия Китая. В разгар японской агрессии такие американские монополии, как «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Стандард ойл», «Дженерал моторс», «Дуглас эйркрафт», продолжали поставлять Японии сырье, оружие и машины.

В противоположность этому политика нашего правительства на Дальнем Востоке заключалась прежде всего в укреплении мира и безопасности. Ради этой цели Советский Союз заключил в августе 1937 г. договор о ненападении с Китаем. В условиях фактической поддержки, которую западные государства оказывали японским захватчикам, советско-китайский договор значительно облегчил китайскому народу борьбу за национальное освобождение.

¹ «Правда», 16 октября 1936 г.

¹ См. «Известия», 24 октября 1936 г.

Во время начавшейся в 1937 г. японо-китайской войны Советский Союз помогал китайскому народу в его героической борьбе против Японии. «Особенно вдохновляет Китай в войне против японских захватчиков существование Советского Союза,— указывал товарищ Мао Цзэ-дун.— Социалистическое государство, Советский Союз с его беспрецедентной мощью — всегда с Китаем: и в радости, и в горе»¹.

«В то время,— писал китайский историк Чэнь Бо-да,— СССР без всякой шумихи помогал китайскому народу вести Освободительную войну против Японии. Через северо-запад непрерывным потоком шло оружие, бензин, грузовые машины. Сыны Советского Союза скромно и незаметно проливали свою кровь на обширных пространствах, защищая Китай»².

В 1937 г. на конференции, созванной в Брюсселе для обсуждения положения на Дальнем Востоке, Советский Союз оказался единственным государством, выступившим за коллективные меры воздействия на японского агрессора. Однако западные державы, вступившие на пагубный путь «невмешательства», не желали принимать практические меры, ограничившись словесным осуждением Японии.

Так шаг за шагом Англия, Франция и США сдавали позиции агрессорам. Пожар войны, вспыхнувший в разных местах, грозил охватить своим пламенем весь земной шар.

К исходу 1937 г. положение в мире ухудшилось. Новый экономический кризис, наступивший в 1937 г. и продолжавшийся вплоть до начала войны, еще более обострил борьбу между капиталистическими государствами за передел мира. В то время как гитлеровская Германия лихорадочно готовилась к осуществлению агрессии в Европе, в правительствах Англии и Франции все больший вес приобретали сторонники политики «невмешательства» и «умиротворения» агрессоров. В Лондоне, Париже и в Вашингтоне обсуждались планы «всеобъемлющего» урегулирования с фашистскими странами. Фактически благоприятное отношение западных держав к фашистскому разбою в Эфиопии, Китае, Испа-

нии да вдобавок их неоднократно публично выраженная готовность прийти к соглашению с агрессорами могли только поощрять гитлеровцев к реализации своих захватнических планов в Европе. Фашисты радостно потирали руки. 5 ноября 1937 г. на совещании высших военных руководителей у Гитлера было решено осуществить захват Австрии и Чехословакии.

Не прошло и двух недель, как в Берлин прибыл с визитом лорд Галифакс — заместитель английского премьера, ставший позднее министром иностранных дел. 19 ноября он встретился с Гитлером. Прежде всего английский министр отметил «заслуги» фашистского главаря как душителя демократии: «...он (лорд Галифакс) и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что, в результате уничтожения коммунизма в своей стране, он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма»¹.

Смысл переговоров Галифакса с Гитлером сводился к следующему: Англия не возражает против предоставления Германии «свободы рук» на востоке Европы, в частности против захвата Австрии, Чехословакии и Гданьска (Данцига). Однако удовлетворение германских притязаний должно было происходить по договоренности с Англией путем «разумного урегулирования». Под «разумным урегулированием» английский министр, как это явствует из документов, понимал следующее: во-первых, чтобы намеченная программа захватов выполнялась без лишнего шума, так сказать, с соблюдением приличий, по согласованию с Англией, во-вторых, условием урегулирования было германо-английское сближение и в конечном счете заключение пакта четырех держав — Англии, Германии, Италии, Франции.

Каков был смысл предложения о пакте четырех? Оно было целиком направлено против нашей Родины: поставить Советский Союз в положение полной изоляции, скорее подтолкнуть гитлеровскую Германию на войну с ним. Так это предложение и было расценено германскими фашистами, полагавшими, что английское правительство «приблизилось к пониманию существенных

¹ Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 2, М., 1953, стр. 222.

² Чэнь Бо-да, Чан Кай-ши — враг китайского народа. М., 1950, стр. 120.

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1, М., 1948, № 1, стр. 16.

пунктов основных требований, выставляемых Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги наций в этом же смысле, целесообразности двусторонних переговоров и договоров»¹. Картина была ясна: английские империалисты откровенно стремились разрешить свои противоречия с гитлеровской Германией посредством изоляции Советского Союза и развязывания войны против него.

Был, однако, один пункт, по которому Англия и Германия никак не могли договориться. Германия настаивала на возвращении своих бывших колоний, отошедших к Англии после первой мировой войны, а Англия всячески уклонялась от обсуждения этого вопроса. Это обстоятельство подчеркивало остроту противоречий между Англией и Германией. Однако, несмотря на все противоречия, переговоры между Галифаксом и Гитлером показали, что Англия вступила на опасный путь разжигания войны в Европе.

Мысль о сговоре с фашистскими государствами за счет Советского Союза и против него получала все большее распространение и в правящих кругах Соединенных Штатов. Влиятельная группа американских государственных деятелей полагала, что наступил момент, когда США должны выступить в качестве главы капиталистического мира, взять на себя инициативу в организации фронта капиталистических государств против страны социализма, а также не допустить сепаратного сговора Англии и Германии. В октябре 1937 г.—январе 1938 г. США собирались созвать международную конференцию в Вашингтоне для выработки условий соглашения с фашистскими государствами². Главными пунктами предлагавшегося соглашения были: пересмотр мирных договоров, усиление экономической и политической экспансии США посредством принятия решения о свободном доступе к источникам сырья, составление такой программы империалистического мира, которую можно было бы противопоставить советской концепции коллективной безопасности. Эта конференция, на которой США получили бы официальное признание капиталистического мира

в качестве высшего арбитра в международных делах, могла стать важным звеном в цепи мер к созданию антисоветского фронта. Не случайно в списке стран, которые намечено было пригласить на конференцию, Советский Союз не значился. Таким образом, роль Вашингтонской конференции как штаба антисоветского сговора не оставляла сомнений.

Однако конференция не была созвана из-за отказа Англии поддержать предложение США. Вступив в непосредственные переговоры с фашистскими государствами — Италией и Германией, английские империалисты не желали терять преимущества, которые они рассчитывали получить в результате прямого сговора с фашистами.

Франция также демонстрировала свою готовность к сговору с гитлеровцами. В ноябре—декабре 1937 г. в Париже между гитлеровскими эмиссарами, с одной стороны, и французским премьер-министром Шотаном и другими французскими министрами — с другой, происходили неофициальные переговоры, в результате которых стало ясно, что и Франция вступила на самоубийственный путь политики сговора с агрессором¹.

Руки у Гитлера были развязаны. 11 марта 1938 г. германские войска, не потеряв ни одного солдата, вступили в Австрию.

Бездействие Англии и Франции посеяло сомнение и неуверенность среди народов Европы. В этот момент всеобщего смятения из Москвы вновь раздался голос предостережения. 17 марта 1938 г. М. М. Литвинов огласил заявление Советского правительства, в котором указывалось, что насилие, совершенное в центре Европы, угрожает независимости и территориальной целостности других государств. Советское правительство предлагало немедленно предпринять меры коллективного воздействия на агрессора. Правительство СССР предостерегало:

«Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»².

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 33.

² William L. Langer, S. Everett Gleason, The Challenge to Isolation 1937—1940, New York, 1952, p. 20—26.

¹ Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Series D, vol. I № 22, p. 41—45.

² «Известия», 18 марта 1938 г.

Однако великие державы Запада остались глухи к советскому предостережению. И немудрено — все их расчеты были связаны с ожидавшимся ими в скором времени нападением Германии на Советский Союз.

Немедленно после душения Австрии Германия приступила к подготовке захвата Чехословакии. И в этом грабительском акте она снова опиралась на фактическую поддержку Англии, Франции и США.

Трижды британский премьер Невилль Чемберлен совершал унижительные поездки к Гитлеру, чтобы сговориться с ним относительно Чехословакии. Из Лондона в Париж летели в Прагу требования, угрозы и ультиматумы, предлагавшие передать германскому империализму исконные чешские земли. Никогда до сих пор мир не был свидетелем такого цинично предательского поведения, которое демонстрировали Франция — союзница Чехословакии — и Англия, гарантировавшая независимость этого государства.

В те тревожные месяцы опять-таки только Советское правительство прилагало все усилия, чтобы спасти Чехословакию от угрозы фашистского порабощения. Неопровержимые факты свидетельствуют об этом. Вот они:

28 марта 1938 г. советская военная делегация заявила начальнику генерального штаба чехословацкой армии, что СССР окажет Чехословакии необходимую помощь в случае гитлеровской агрессии¹.

В апреле Советское правительство приняло решение, что Советский Союз, если от него потребуют, готов по договоренности с Францией и Чехословакией принять все меры, касающиеся безопасности последней². 23 апреля чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер сообщил об этом в Прагу³.

25 мая 1938 г., а затем последовательно 25 июня и 22 августа⁴ Советское правительство вновь подтвердило готовность Советского Союза оказать помощь Чехословакии, если она подвергнется нападению.

¹ «Новые документы из истории Мюнхена», Госполитиздат, 1958, № 6, стр. 24—25.

² «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии», М., 1951, стр. 86.

³ См. «Новые документы из истории Мюнхена», № 7, стр. 26.

⁴ См. там же, № 14, стр. 41—45; № 20, стр. 59—60; № 24, стр. 66.

2 сентября Советское правительство предложило созвать совещание заинтересованных в сохранении мира государств для принятия общей декларации против агрессора. Советский Союз предложил, чтобы Совет Лиги наций объявил Германию агрессором.

Одновременно Советское правительство высказалось за встречу военных представителей СССР, Чехословакии и Франции, но и это предложение было отклонено¹.

20 сентября в ответ на запрос президента Чехословакии Бенеша, готово ли Советское правительство оказать помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, также окажет ей помощь, Советское правительство дало ясный положительный ответ². Одновременно советский посол в Праге заверил чехословацкое правительство, что СССР окажет помощь Чехословакии даже в том случае, если Франция не выполнит своих обязательств³. (Советско-чехословацкий договор обязывал Советский Союз прийти на помощь Чехословакии при условии оказания аналогичной помощи Францией.)

Когда панская Польша захотела использовать тяжелое положение чехословацкого народа для присоединения к Польше части чехословацкой территории, польское правительство было поставлено в известность, что в случае перехода польскими войсками границы Чехословацкой республики и занятия ее территории Советский Союз денонсирует без предупреждения советско-польский пакт о ненападении. Твердая позиция Советского Союза возымела свое действие — часть польских войск была отведена от чехословацкой границы⁴.

25 сентября нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов сообщил в Париж, что 30 советских стрелковых и несколько кавалерийских дивизий придвинуты в районы, непосредственно прилегающие к западной границе. Находились в полной готовности авиация и танковые части⁵.

Так вел себя Советский Союз по отношению к своей

¹ «Новые документы из истории Мюнхена», № 26, стр. 70—72.

² См. там же, № 38, стр. 103—104; № 39, стр. 105.

³ См. «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии», стр. 88.

⁴ См. «Новые документы из истории Мюнхена», № 50, стр. 132—133.

⁵ См. там же, № 53, стр. 139—140.

союзнице. Однако в своей борьбе за спасение Чехословакии наша страна натолкнулась, во-первых, на упорное сопротивление Англии и Франции, добивавшихся сговора с Германией против СССР, а во-вторых, на пораженческую позицию тогдашнего чехословацкого правительства, принявшего решение о капитуляции.

29—30 сентября в Мюнхене между премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, французским премьером Даладье, итальянским фашистским диктатором Муссолини и германским «фюрером» Гитлером было подписано преступное соглашение, по которому Чехословакия было предложено — фактически приказано — в десятидневный срок передать Судетскую область вместе со всем находившимся на ее территории имуществом гитлеровской Германии.

Это был **третий пакт** Англии и **второй пакт** Франции, подписанные ими с гитлеровцами.

Соглашение, достигнутое в Мюнхене, было кульминационным пунктом политики сговора с агрессорами, ответственность за которую несут перед историей правительства Великобритании, Франции и США. Президент США в одном слове определил свое отношение к Мюнхену. «Молодец», — было сказано им по адресу Н. Чемберлена¹, который в течение многих лет возглавлял политику сговора с агрессорами. Госдепартамент США заявлял о чувстве облегчения, которое принесло мюнхенское соглашение². Американский посол в Париже В. Буллит с удовлетворением констатировал: «Бросив Россию на произвол судьбы, Англия и Франция отвели угрозу от себя»³. Вот где была зарыта собака — открыть Гитлеру дорогу на восток! В этом именно и заключался смысл декларации, которую Чемберлен подписал 30 сентября там же в Мюнхене с Гитлером. В декларации заявлялось, что Гитлер и Чемберлен рассматривают мюнхенское соглашение и германо-английское морское соглашение как символ желания германского и английского народов никогда не воевать друг против друга⁴.

Это был **четвертый пакт** Англии с гитлеровцами.

¹ W. L. Langer, S. Everett Gleason, op. cit., p. 34.

² Cordell Hull. The Memoirs, vol. I, New York, 1948, p. 595.

³ The Secret Diary of Harold L. Ickes vol. II, p. 519.

⁴ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, № 39, стр. 319—320.

Во Франции после заключения соглашения в Мюнхене реакция повела наступление против народа, стремясь свести на нет все завоевания Народного фронта. 15 ноября французское правительство обрушило на трудящихся чрезвычайные декреты: была отменена 40-часовая рабочая неделя, введены новые и увеличены старые налоги. 30 ноября Всеобщая конфедерация труда призвала французских рабочих к всеобщей забастовке, в которой приняло участие около 90% рабочих страны. Правящие классы Франции подвергли участников стачки репрессиям и подавили ее. Взяв курс на сговор с германским фашизмом, французская буржуазия усилила борьбу с демократическими элементами в стране. 6 декабря в Париже была подписана франко-германская декларация, аналогичная англо-германской. Таким образом Франция заключила **третий пакт** с гитлеровцами. В этой декларации существовавшая тогда франко-германская граница торжественно объявлялась окончательной. Обе стороны заявляли о своем решении поддерживать контакты друг с другом по всем вопросам, интересующим их и взаимно консультироваться в случае, если бы дальнейшее изменение этих вопросов могло привести к международным затруднениям. Чего стоили эти заявления, хорошо известно! Как раз в это время итальянские фашисты, втайне подстрекаемые из Берлина, громогласно потребовали передачи Италии французских департаментов Корсики и Ниццы, а также Туниса. В свете этих событий, особенно после предательства, совершенного Францией по отношению к своему чехословацкому союзнику, оговорка, содержащаяся в п. 3 декларации — о «сохранении особых отношений с третьими державами»¹, что для Франции должно было означать договоры со своими союзниками в Европе и прежде всего с СССР, не могла внушить доверия.

Подписание Англией и Францией деклараций с фашистской Германией, представлявших по существу договоры о ненападении, ясно показывали, что жертвы агрессии не могут рассчитывать на поддержку со стороны Англии и Франции. Фашистские агрессоры не скрывали своего ликования.

¹ «Le livre jaune Français», Paris, 1939, № 28, p. 38.

Мюнхенский сговор сделал очевидным, что коллективного отпора фашистской агрессии обеспечить не удастся. Мюнхен показал, что французские правители фактически отказались следовать тому политическому курсу, который вытекал из обязательств Франции по договорам с СССР и Чехословакией. Эти договоры предусматривали совместное выступление против агрессии. Теперь агрессия против одного из союзников Франции совершилась, но вместо отпора ей со стороны Франции последовала выдача союзника агрессору.

Декларации, подписанные Англией и Францией с Германией, делали сомнительным участие Англии и Франции в каких-либо военных действиях, направленных на обуздание гитлеровской агрессии.

Таким образом, после Мюнхена Советский Союз оказался в состоянии изоляции, поскольку Англия и Франция явным образом уклонялись от какого-либо противодействия агрессорам. Западные державы искали соглашения с гитлеровцами, стремясь натравить их на СССР и ради сговора с ними готовы были отдать Германии целые государства или же значительные части их территории.

Сделка в Мюнхене была серьезным предупреждением для международного рабочего и революционного движения, новым сигналом о необходимости объединения сил рабочего класса на борьбу с угрозой надвигающейся войны. Единство рабочего класса, единство всех трудящихся, единство всех сил, выступающих за мир, — таково было настоятельное веление момента. Для того чтобы помешать заговору поджигателей войны, пролетариату Англии, Франции, США и других стран Запада нужно было прежде всего обуздать империалистические круги и капитулянтов в своих странах.

Этому помешали лидеры правых социалистов. Вступив в сговор со своей империалистической буржуазией, они сорвали объединение сил рабочего класса, трудящихся против войны.

В результате мюнхенского соглашения фашистский блок значительно усилил свои политические, экономические и стратегические позиции, нанес огромное морально-политическое поражение Англии, Франции и США и вскоре стал открыто готовиться к нападению на своих мюнхенских партнеров.

ГЛАВА III

ПРОВАЛ ДВОЙНОЙ ИГРЫ МЮНХЕНЦЕВ. ФАШИСТЫ РАЗВЯЗЫВАЮТ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

В первые месяцы после Мюнхена кое-кому казалось, что надежды мюнхенцев сбудутся и гитлеровская Германия повернет против СССР.

Английский министр иностранных дел лорд Галифакс, откровенно признавая, что политика Англии основывается на этом предположении, 28 января 1939 г. писал послу Великобритании в Париже Эрику Фиппсу: «Не далее как в ноябре были признаки, которые становились все более определенными, что Гитлер планирует следующую авантюру за рубежом на весну 1939 г. Сначала казалось, — и это было подтверждено рядом лиц из окружения Гитлера, — что он замышляет экспансию на восток, и в декабре перспектива создания Украины, находящейся в вассальной зависимости от Германии, открыто обсуждалась в Германии»¹.

Развивая мысли своего шефа, английский посол в Берлине Невилль Гендерсон писал 9 марта 1939 г. в Форейн-оффис:

«В «Майн кампф» Гитлер сделал абсолютно ясным, что «жизненное пространство» для Германии может быть найдено только экспансией в восточном направлении, а экспансия на восток, весьма вероятно, приведет в один прекрасный день к столкновению между Германией и Россией. Имея на своем фланге благожелательную Британию, Германия может рассматривать подобную перспективу довольно хладнокровно, но она живет в

¹ Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. IV, № 40, p. 38.

страхе перед неудачей войны на два фронта, которая была также кошмаром Бисмарка. Лучший подступ к установлению хороших отношений с Германией найдется поэтому на линии отказа от постоянного и раздражающего вмешательства в дела, в которых британские интересы прямо или жизненно не затрагиваются, и в перспективе британского нейтралитета, в случае если Германия предпримет что-либо на Востоке. Не исключено, что может быть достигнуто соглашение с Гитлером при условии, что оно будет ограничено пунктами, которые, как можно предполагать, будут для него приемлемы¹.

Французский министр иностранных дел Ж. Боннэ с удовлетворением писал в то время по поводу своих бесед с Риббентропом:

«По-видимому, в основе общности германо-итальянской политической концепции лежит главным образом борьба против большевизма. Не говоря этого формально, Риббентроп хотел, быть может, дать нам понять, что нет другой цели, кроме этой»².

Вспреки своим национальным интересам Франция после Мюнхена допустила разрушение французских союзов со странами Восточной Европы. Договор о взаимной помощи с Чехословакией фактически был аннулирован Мюнхеном. Теперь речь шла о ликвидации франко-советского пакта о взаимной помощи.

Леон Ноэль, бывший французский посол в Варшаве, сообщает в своих мемуарах, что вскоре после Мюнхена Боннэ уведомил его о намерении «начисто и немедленно денонсировать все соглашения, заключенные Францией: он этим имел в виду франко-польские соглашения и франко-советский пакт о взаимной помощи»³.

В окружении Боннэ твердили: «Нужно дать Германии залезть в дунайские пески; она тогда начнет войну с Россией. Пусть эти две страны воюют между собою»⁴.

Пытаясь применить эти установки на практике, Англия, а вслед за ней и Франция вели серию секретных

переговоров с гитлеровской Германией, надеясь достичь с ней широкого экономического и политического соглашения. Во всех этих переговорах, как о том свидетельствуют официальные документы, опубликованные после второй мировой войны, имелось в виду достижение империалистического сговора о разграничении сфер влияния путем предоставления Германии «свободы рук» в восточной и юго-восточной части европейского континента при условии гарантии безопасности западных держав и отказа Германии от покушений на английские и французские колонии.

Гитлеровская Германия, завершая приготовления к войне, охотно шла на всякие переговоры, которые могли улучшить ее экономическое и стратегическое положение. Но она уклонялась от заключения соглашений политического характера, которых так упорно добивалась Англия. Одновременно германская пропаганда всякими способами поддерживала версию, будто Германия со дня на день собирается начать войну за «присоединение» Советской Украины к Закарпатской Украине. Напомним, что, расправляясь с чехословацким государством, гитлеровцы настояли на отделении от него области с украинским населением и организовали там марионеточное правительство из реакционной, буржуазно-националистической украинской эмиграции. Тем самым они превратили Закарпатье в очаг шпионажа и антисоветских интриг.

С вожделием следили участники мюнхенского предательства за политикой гитлеровцев в Закарпатской Украине — она как бы подтверждала их надежду, что вот-вот грянет долгожданная война против советского народа. Рассчитывая на скорое нападение Германии на СССР, Англия и Франция, заранее осведомленные, что гитлеровская Германия собирается, в нарушение соглашения, заключенного в Мюнхене, ликвидировать остатки чехословацкого государства, не предприняли ничего, чтобы предотвратить готовящееся преступление.

Таково было положение, когда 10 марта 1939 г. в Москве собрался XVIII съезд нашей партии. На съезде были намечены четкие и определенные задачи советской внешней политики:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в

¹ Document. on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. IV, № 195, p. 214—215

² «Livres Jaunes», № 32, p. 42.

³ Leon Noël, L'agression Allemande contre la Pologne, Paris, 1946, p. 259.

⁴ «Les événements survenus en France de 1933 à 1945», t. III, Paris, 1951, p. 826.

конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной армии и Военно-Морского Красного флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами»¹.

Тогда же вдохновители политики «невмешательства» были предупреждены, что «большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»².

15 марта 1939 г. гитлеровцы оккупировали Чехословакию и уничтожили ее независимость. Рухнуло мюнхенское соглашение и вместе с этим рухнула политика «невмешательства».

Теперь, когда дурман мюнхенского «миротворчества» стал проходить, как в Лондоне, так и в Париже, а также в Вашингтоне становилось все более очевидным, что предательство в отношении Чехословакии не принесло ожидаемых плодов. Фашистский молох пожрал принесенную ему жертву, но не стал более покладистым и менее прожорливым. Он отнюдь не высказывал намерения согласовывать с западными державами свою политику — дальнейшие агрессивные действия и объекты своих захватнических замыслов.

21 марта германское правительство потребовало от Польши передачи Германии Гданьска (Данцига). Несмотря на явную угрозу, возникшую для Польши, правящая панская клика продолжала держать курс на сговор с Германией, продолжала рассчитывать на конфликт между Германией и СССР, занимая отрицательную позицию к организации коллективного отпора агрессору.

Для правящих кругов западных держав стали постепенно проявляться несомненные истины: Гитлер не собирается оплачивать палаческие услуги, оказанные ему в Мюнхене, он не торопится развязывать войну против СССР; а главное — мюнхенское позорище не дало Англии и Франции гарантии того, что фашистская агрессия

не обернется против них самих. Стало очевидным, что прочного сговора с германским фашизмом империалистам Запада достичь не удалось. Один из результатов провала мюнхенской политики заключался в том, что события 15 марта вызвали в широких общественных кругах Англии, Франции и других государств небывалый взрыв возмущения против этой политики и ее сторонников. Понимание опасности мюнхенской политики распространялось в самых широких кругах населения. Действительно, вся международная обстановка — политическая и стратегическая — изменялась резко к худшему для западных держав. Об этом говорили факты.

Последствия Мюнхена и победа Франко над Испанской республикой в начале 1939 г. ослабили стратегические позиции Англии и Франции. После того как западные державы предали Австрию, Чехословакию, республиканскую Испанию, обстановка в Европе резко изменилась в пользу гитлеровской Германии и фашистской Италии. Раньше в случае войны против Германии можно было рассчитывать на создание против нее дополнительного фронта с юга, на котором действовала бы чехословацкая армия, обладавшая высокими боевыми качествами. Теперь такая возможность была утеряна. Более того, после захвата власти Франко в Испании Франция уже не могла быть спокойной за свою границу на Пиренеях. Создавалась также новая угроза для английских и французских коммуникаций в Атлантике, вокруг Пиренейского полуострова и в Средиземном море.

Учитывая изменения в соотношении сил, правящие круги ряда малых государств Европы готовились к перебежке в германский лагерь. Теперь один акт фашистской агрессии быстро следовал за другим. 22 марта Германия захватила Клайпеду у Литвы, 23 марта она подписала экономическое соглашение с Румынией, которое превращало Румынию в аграрно-сырьевой придаток гитлеровского райха. 7 апреля Италия напала на Албанию и оккупировала ее. Гитлеровское правительство, совершая новые агрессивные акты, уже не считало нужным спрашивать разрешения у западных держав, как оно это сделало в Мюнхене.

В такой обстановке правительства Англии и Франции круто изменили свою тактику, но отнюдь не свою стра-

¹ «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет», стр. 15.

² Там же, стр. 14.

тегию. Английское правительство решило ввести всеобщую воинскую повинность, предоставить гарантии независимости Польше, Румынии, Греции и Турции на случай агрессии против них. Ставилась задача припугнуть Германию, заставить ее искать сговора с западными державами.

Нет ничего удивительного в том, что систематическое потворство со стороны правительств Англии и Франции, равно как и США, фашистской агрессии против Эфиопии, Испании и Китая, выдача Гитлеру Австрии и Чехословакии, а Италии — Албании, фактический отказ Франции от своего союзнического долга перед Чехословакией и СССР должны были подорвать у Советского Союза доверие к западным державам и к их готовности выступить против фашистских агрессоров. Советское правительство не могло не учитывать опыта Мюнхена и политики «невмешательства».

И тем не менее правительство СССР ответило согласием на англо-французское предложение о переговорах, которое было сделано 15 апреля 1939 г. Оно не хотело упустить ни одного шанса организовать отпор агрессорам в сотрудничестве с западными державами. Скорее всего, сама организация такого сотрудничества уже означала бы ослабление опасности войны. Были все основания полагать, что перед единым фронтом СССР, Англии и Франции гитлеровцы отступят, не решатся бросить вызов столь сильной коалиции.

Конечно, сомневаться в искренности английского и французского правительств, в которых первую скрипку играли мюнхенцы, имелись все основания. Но в обеих странах имелаась демократическая общественность, прежде всего многочисленный рабочий класс. Демократические силы могли оказать воздействие на свои правящие круги, которые в какой-то степени были бы вынуждены посчитать с мнением народа.

Однако первые же предложения, сделанные Советскому Союзу с английской стороны, разочаровывали всех, кто верил в искренность намерений западных держав организовать, наконец, коллективный отпор агрессору. 15 апреля 1939 г. английское правительство предложило Советскому правительству выступить с публичным заявлением о том, что «в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского

Союза, который оказал бы сопротивление (агрессии.— *Авт.*), можно будет рассчитывать на помощь Советского Правительства, если она будет желательна»¹, причем эта помощь будет оказана таким путем, который будет сочтен наиболее удобным.

Разберемся в этом предложении. Прежде всего в нем не предусматривалось никаких обязательств Англии и Франции на случай прямого нападения Германии на СССР, хотя в отношении друг друга обе западные державы уже были связаны обязательствами помощи в аналогичном случае. Однако этим не исчерпывались недостатки английского проекта. Согласно ему Советский Союз должен был оказать «помощь», то есть, очевидно, обязан был воевать против агрессора в случае нападения на кого-либо из своих европейских соседей, при условии, если советская помощь «окажется желательной». Европейскими соседями СССР были Финляндия, Эстония, Латвия, Польша, Румыния. Два последних государства имели гарантии от Англии и Франции, и, следовательно, оказывая помощь этим двум государствам, наша страна могла рассчитывать, что будет воевать против агрессора в союзе с двумя другими великими державами. Однако в случае фашистского нападения на Финляндию, Эстонию или Латвию — что для СССР в силу географического положения этих стран было не менее опасным, чем нападение на Польшу и тем более на Румынию, — английское предложение не давало нашей стране никаких оснований рассчитывать на поддержку со стороны Англии и Франции. Связывая Советский Союз обязательством помочь прибалтийским государствам, английское предложение оставляло у Англии и Франции руки свободными. Таким образом, английское предложение не отвечало принципу равенства обязательств сторон.

Мало того. Если бы состоялось англо-франко-советское соглашение на предложенной англичанами основе, то его заключение по существу означало бы провокационный намек Гитлеру, указание на то стратегическое направление, по которому он должен повести свою агрессию, дабы заставить Советский Союз воевать в

¹ См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 42.

состоянии изоляции. Таким направлением являлось прибалтийское — с моря или из Восточной Пруссии через Литву на Латвию, Эстонию, а также через Финляндию — в обоих случаях с выходом на подступы к Ленинграду.

Предложенное англичанами соглашение вело не к предотвращению гитлеровской агрессии, а к поощрению ее, демонстрируя изоляцию СССР в случае борьбы за Прибалтику.

Особого внимания заслуживают следующие слова английского проекта: «...если она (то есть советская помощь. — Авт.) будет желательной».

Прежде всего возникает вопрос: кто должен был определить желательность или нежелательность помощи со стороны СССР и тем самым — согласно английскому проекту — решить, должен ли СССР воевать? Очевидно, это решение предоставлялось тем европейским соседям СССР, которые оказались бы жертвами агрессии. Таким образом, в случае агрессии против одного из соседних европейских государств СССР обязан был бы воевать, если это государство даст понять, что советская помощь ему желательна. Он должен был бы воздержаться от противодействия агрессору, если соседнее государство решит, что помощь ему нежелательна. Иначе говоря, Советский Союз был бы связан в случае нападения Германии на его соседей, но зато соседи эти сохраняли бы полную свободу действий: они могли бы и не принимать помощи СССР, а, например, отдаться в руки Гитлеру, как несколько позже и поступила боярская Румыния, допустив германские войска на свою территорию.

Профашистские склонности правящих кругов панско-буржуазной Польши, боярской Румынии, буржуазии прибалтийских государств делали такой шаг вполне вероятным, и английский проект предоставлял им право его совершить. В то же время английский проект лишал СССР права помешать этому: ведь помощь Советского Союза предусматривалась только в том случае, если она будет признана желательной!

Советское правительство не могло принять явно провакационное предложение. Оно не могло, конечно, вовлечь страну в столь опасное соглашение, подвергавшее ее риску войны без союзников, в условиях изоляции.

Тем не менее Советское правительство не прекратило попыток убедить Англию и Францию согласиться на заключение договора, основанного на равенстве обязательств и направленного на действительный отпор агрессорам. 17 апреля 1939 г. правительство СССР вручило правительствам Англии и Франции свои ответные предложения. «1. Англия, Франция, СССР,— гласил советский проект договора,— заключат между собою соглашение на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. 2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточно-европейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств».

В качестве одного из обязательных условий соглашения Советское правительство предлагало, чтобы Англия, Франция и СССР в кратчайший срок обсудили и установили размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих трех государств при выступлении против агрессора, и зафиксировали достигнутую договоренность в военной конвенции, которая должна быть подписана одновременно с политическим соглашением о взаимной помощи. Правительство Советского Союза считало, что без военной конвенции, фиксирующей формы и размер военной помощи, пакт взаимопомощи не будет эффективным. После Мюнхена возможно более точное определение военных обязательств было необходимой предпосылкой для некоторой уверенности в том, что западные державы не уклонятся от военного выступления против фашистской Германии.

Советское предложение было сделано в крайне тревожный момент: польско-германский конфликт разгорался с каждым днем. 28 апреля Германия объявила о расторжении морского договора с Англией и пакта о ненападении с Польшей.

Полученный 8 мая английский ответ сводился к предложению, чтобы Советское правительство «обязалось бы в случае вовлечения Великобританией и Францией в военные действия во исполнение принятых ими обязательств» (перед Бельгией, Польшей, Румынией, Грецией и Тур-

цией) «оказать немедленное содействие, если оно окажется желательным...»¹.

Нетрудно увидеть, что этот английский проект соглашения с Советским Союзом мало чем отличался от первоначального английского предложения. Все возражения, которые вызывал первый проект, оставались в силе и в отношении нового. Советское правительство с полным основанием пришло к выводу, что проект не может послужить базой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств дальнейшему развертыванию агрессии в Европе.

Смысл позиции Англии во время переговоров раскрывается в меморандуме Форейн-оффиса от 22 мая 1939 г., который, разумеется, носил сугубо секретный характер. В этом документе рассматривались благоприятные и неблагоприятные стороны возможного заключения пакта о взаимопомощи с Советским Союзом. Среди неблагоприятных моментов указывалось на участие Англии в войне «для поддержки Советского Союза против Германии»². Англия стремилась избежать обязательств, которые вынудили бы ее оказать помощь СССР в случае германской агрессии. С другой стороны, в меморандуме подчеркивалось, что было бы желательным «обеспечить советскую помощь на западе при всех обстоятельствах»³.

Как видно, главной целью Англии в переговорах было не заключение честного и равноправного соглашения с Советским Союзом, а такого соглашения, которое втянуло бы Советский Союз в войну с Германией, без гарантий помощи со стороны Англии.

Следующие, на этот раз совместные, англо-французские предложения, переданные советской стороне 27 мая 1939 г., имели то преимущество, что в них наконец предусматривалась английская и французская помощь Советскому Союзу в случае прямого нападения Германии на СССР. Однако остальные недостатки предшествующих английских проектов так и не были устранены.

¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 43—44.

² Documents on British Foreign Policy. 1919—1939, vol. V, № 589, p. 644.

³ Ibid., p. 646.

В своих встречных предложениях от 2 июня 1939 г. Советское правительство вновь пыталось убедить Англию и Францию исправить те положения их проектов, которые могли послужить провоцирующими моментами для нападения гитлеровской Германии на Прибалтику и через нее на Советский Союз. Со своей стороны Советское правительство, выполняя пожелания Англии и Франции, выразило готовность распространить свою помощь также на Бельгию, Грецию и Турцию, в случае нападения Германии на эти страны, которым Англия и Франция также предоставили гарантии их независимости.

15 июня 1939 г. правительства Англии и Франции сообщили Советскому правительству свои замечания по его последнему проекту. Они отказывались одновременно с пактом о взаимной помощи заключить военную конвенцию. Правительства западных держав мотивировали свой отказ сомнением в возможности в сравнительно короткий срок прийти к конкретному военному соглашению и предлагали в вопросе о методах, формах и размерах военной помощи ограничиться консультациями между генеральными штабами трех держав. Такой ответ не мог, конечно, не вызвать у советской стороны новых сомнений в серьезности намерений правительств Англии и Франции оказать военную помощь жертвам агрессии.

Другое замечание английского и французского правительств превратило сомнение в полную уверенность в невозможности считать их искренними. Это замечание было поистине чудовищным. Во всех советских проектах содержалось неременное условие любого союза — обязательство заключать перемирие или мир с общим противником не иначе, как по совместному соглашению. И вот это, казалось бы, элементарное условие всякого честного военного сотрудничества английское и французское правительства отвергли. Несостоятельность английских и французских замечаний была столь очевидна, что оба правительства подверглись резкому осуждению в своих парламентах. Оппозиция выходила далеко за пределы партий, зависевших от голосов избирателей — рабочих.

Под влиянием недовольства в своих странах правительства Англии и Франции вынуждены были сделать некоторые уступки. Они нехотя согласились принять

слишком уж бесспорное условие о недопустимости заключения сепаратного перемирия или мира. Однако в вопросе об агрессии против Прибалтики они сделали чисто показные, фиктивные уступки, так что если бы их новые предложения были приняты, то путь к овладению Прибалтикой для фашистской Германии не был бы закрыт. Как указывалось в сообщении ТАСС от 2 августа 1939 г., «одна из причин затяжки переговоров состоит в том, что английская формула оставляет... лазейку для агрессора»¹.

23 июля 1939 г. Советское правительство предложило обоим своим партнерам начать в Москве переговоры между представителями вооруженных сил Англии, Франции и СССР. Английское и французское правительства под давлением общественности, настаивавшей на принятии реальных мер против фашистской агрессии, приняли советское предложение.

Однако военные миссии Англии и Франции отправились в СССР на тихоходном пароходе с очевидной целью затянуть дело. Они прибыли в Москву только 11 августа 1939 г. На первом же совещании выяснилось, что в то время, как советская военная миссия имела полномочия на ведение переговоров и подписание военной конвенции, английская миссия никакими формальными полномочиями не располагала. Этим английское правительство еще раз показывало, что на самом деле оно вовсе не желает сотрудничать с СССР в борьбе против фашистской агрессии.

В ходе переговоров выяснились и другие факты, свидетельствовавшие о том, что английская и французская миссии были посланы в Москву вовсе не для того, чтобы договориться с СССР о действенном совместном отпоре агрессорам. Английская военная миссия заявила, что в случае возникновения войны Англия первоначально пошлет на континент всего шесть дивизий. В то же время Советский Союз был готов выставить против агрессора 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 9—10 тысяч танков, 5,5 тысяч бомбардировщиков и истребителей².

Советская военная миссия в ходе переговоров поставила основной вопрос: каким образом вооруженные силы

¹ «Известия», 2 августа 1939 г.

² См. «Международная жизнь» № 3, 1959, стр. 139.

СССР смогут войти в соприкосновение с немецко-фашистскими войсками в случае нападения Германии на Францию, Польшу или Румынию или на все эти страны одновременно? Ведь даже беглый взгляд на карту мог убедить в том, что, поскольку СССР не имел в 1939 г. общей границы с Германией, его вооруженные силы могли начать военные действия против германских вооруженных сил, только пройдя через территорию Польши и Румынии. Но на вопрос главы советской военной миссии, будут ли советские вооруженные силы пропущены через территорию союзников Англии и Франции — Польши и Румынии, военные миссии Англии и Франции могли лишь ответить ссылкой на свою полную неосведомленность.

Без положительного решения этого вопроса эффективное военное сотрудничество Советского Союза вообще оказывалось физически невозможным. Поскольку правительства Англии и Франции этого вопроса перед собой и не ставили, стало ясно, что у них нет никакого плана совместных военных действий, что в сущности военное сотрудничество с СССР их вовсе и не интересовало и что они вели переговоры не для того, чтобы наладить такое сотрудничество, а преследовали при этом какие-то совсем другие цели.

Военные миссии обеих западных держав могли только заявить, что их правительства запрасят польское и румынское правительства, согласны ли они допустить советские войска на свои территории¹.

Из опубликованной ныне в свое время совершенно секретной директивы, которая была дана в Лондоне английской военной миссии перед ее отъездом в Москву, стало известно, что английское правительство не желало соглашения с СССР о совместном отпоре гитлеровским агрессорам и заранее приняло решение такого соглашения не заключать. Параграф 8 этой директивы предписывал делегации «вести переговоры очень медленно»². Таким образом, с самого начала военных переговоров английским правительством был взят курс на их затягивание.

¹ См. «Международная жизнь» № 2, 1959, стр. 157—158.

² Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 763.

В параграфе 15 инструкции прямо указывалось, что английскому правительству представляется нежелательным принимать на себя какие-либо определенные обязательства, могущие связать нам руки при всех обстоятельствах. Поэтому нужно стремиться к тому, чтобы свести военное соглашение к возможно более бшим условиям»¹.

Английской делегации согласно полученной ею директиве предлагалось не обсуждать вопроса о защите рибалтийских государств от германской агрессии и отстраниться от обсуждения позиции Польши и Румынии. } то же время на английскую военную миссию возлагались задачи разведывательного порядка — всестороннее выяснение военных возможностей Советского Союза.

Четко сформулированный в инструкции английской военной делегации курс на затягивание (и по существу на срыв) переговоров настолько противоречил интересам национальной безопасности Англии, что вызвал глубокое удивление и беспокойство даже у такого ан-гисоветски настроенного дипломата, как английский посол в Москве Сиидс.

В письме министру иностранных дел Галифаксу из Москвы от 13 августа 1939 г. посол указывал:

«При таких условиях я полагаю, что военные переговоры не дадут никаких результатов, но лишь возбуждают у России страх, что мы не действуем всерьез и не желаем заключения конкретного и определенного соглашения...»².

Далее Сиидс просил сообщить ему как можно скорее, действительно ли желает английское правительство прогресса в переговорах, отмечая при этом, что все признаки указывают на желание советской военной делегации заключить соглашение³.

Позиция английского правительства, удивившая его собственного посла, представляла разительный контраст с позицией Советского правительства, стремившегося к скорейшему положительному завершению переговоров.

Советское правительство во время переговоров не могло, конечно, знать этих секретных директив; но все

поведение английских представителей как в политических переговорах относительно соглашения о взаимной помощи, так и в последующих военных переговорах убеждало в том, что английское правительство не хочет военного сотрудничества с СССР против гитлеровской агрессии, а французское слепо следует за своим английским союзником.

Не могло также Советское правительство пройти мимо очень важных фактов, доказывавших, что английское правительство ведет двойную игру: с одной стороны, ведутся переговоры с СССР, а с другой — с гитлеровской Германией.

В мае 1939 г. Английский банк с ведома правительства передал Рейхсбанку золото, принадлежавшее Чехословакии. Это могло быть расценено, как своего рода признание захвата Чехословакии де-факто. Не случайно в это время «Манчестер гардиан» констатировала: «Влиятельные люди вне правительства, из которых иные очень близки к правительству и находятся с ним в постоянном контакте... предпринимают попытку отклонить британскую внешнюю политику от нынешнего курса и столкнуться с Германией при помощи уступок за счет дружественных держав»¹.

В июле в газетах появились сообщения о переговорах английского министра Хадсона с германскими эмиссарами. Тогда не было известно, о чем шла речь, но теперь многое выяснено с документальной точностью. Вот что произошло.

7 июня, то есть в разгар англо-франко-советских переговоров в Москве, английский посол в Берлине Гендерсон посетил Геринга и заявил ему, что если бы Германия вступила с Англией в мирные переговоры, то получила бы от Чемберлена «не недружественный ответ»².

Начиная с июня между Англией и Германией происходили интенсивные секретные переговоры, которые не прекращались вплоть до нападения Германии на Польшу. В ходе этих переговоров представители английского правительства предложили раздел мира на сферы влияния. В числе территорий, подлежащих разделу,

¹ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 763—764.

² Ibid., № 647, p. 682.

³ Ibid., p. 683.

¹ «Manchester Guardian», 6. V. 1939.

² Documents on British Foreign Policy, vol. VI, № 9, p. 13.

были названы Китай и даже Советский Союз, то есть страна, с которой английское правительство вело в это самое время переговоры о совместной борьбе против фашистской агрессии. Английское правительство предложило также заключить пакт о ненападении, соглашались допустить Германию к эксплуатации африканских колоний путем создания «интернациональной» колониально-африканской зоны, заключить ряд экономических соглашений, предусматривавших превращение Восточной и Юго-Восточной Европы в сферу влияния Германии. В случае достижения соглашения Англия обещала: прекратить переговоры с Советским Союзом о заключении пакта о взаимопомощи; оказать давление на Францию с тем, чтобы она расторгла пакт о взаимопомощи с Советским Союзом. Больше того, Англия обещала отказаться от гарантии, которую она предоставила 31 марта Польше, и выразила готовность выдать ее гитлеровцам на поток и разграбление — по мюнхенскому образцу.

Из полной готовности английских правящих кругов прервать переговоры с СССР и предать Польшу вытекает с совершенной ясностью, что и Польша, и переговоры с Советским правительством были для английского правительства всего лишь разменной монетой, маневром, предпринятым ради обеспечения интересов английского империализма. Или, иначе говоря, это были для них рычаги давления на германский империализм, дабы побудить его к сделке с Англией. Как совершенно правильно оценивал положение тогдашний германский посол в Лондоне фон Дирксен, для английских правящих кругов «возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией...», и «эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»¹. Короче говоря, выгодную империалистическую сделку с гитлеровской Германией правящие круги Англии готовы были оплатить не только отказом от гарантий независимости Польши, Румынии, Турции и Греции, не только разрывом переговоров с СССР, но и предательством в отношении ближайшего союзника — Франции.

¹ «Документы и материалы...», т. II, № 24, стр. 142.

6 июня германский посредник, шведский промышленник и финансист Венер-Грен лично передал британскому премьеру Н. Чемберлену требования Германии. В числе этих требований фигурировал и возврат германских колоний, на что английское правительство не желало идти. Это вызвало бы огромное недовольство среди английской буржуазии и привело бы, по словам самого Чемберлена, к падению правительства¹.

Однако в июле и августе состоялись новые англо-германские секретные переговоры при посредстве другого шведского промышленника, Биргера Далеруса². С английской стороны в этих переговорах принимали участие представители деловых кругов Англии. С германской стороны переговоры вел Геринг — правая рука Гитлера. Геринг потребовал, чтобы Ближний Восток — тот самый район, который британский империализм издавна рассматривал как свою вотчину, — был признан «естественной экономической сферой Германии», чтобы в странах Ближнего Востока был установлен политический порядок «не враждебный» Германии, чтобы Германии были предоставлены нефтеносные территории в этом районе³. Речь шла ни больше, ни меньше, как о полной капитуляции британского империализма на Ближнем Востоке перед своим германским соперником. Разумеется, такого рода «предложения» английские правящие классы принять не могли. «Правда заключается в том, — писал видный чиновник английского министерства иностранных дел В. Стренг, — что имеется фундаментальная непримиримость между германской и английской политикой»⁴.

Враг уже ломился в ворота Британской империи. Казалось бы, надо было заканчивать в положительном смысле затянувшиеся переговоры с Советским Союзом. Но на практике в Лондоне сделали отнюдь не этот вывод. Решили иное: затягивать переговоры с Советским Союзом, используя их как средство давления на гитлеровскую Германию, и одновременно продолжать попытки склонить Германию к сделке с Англией за счет СССР и Польши на условиях, приемлемых для британ-

¹ Documents on British Foreign Policy, vol. VI, p. 736—738.

² Ibid., p. 747.

³ Ibid., p. 756—757.

⁴ Ibid., p. 760.

ского империализма. Такой курс английской политики обострял международную обстановку, объективно способствовал развязыванию войны в Европе. Гитлеровцы, видя, что и после предъявления новых, чудовищных требований Англия не отказывается от переговоров с ними и тянет с заключением пакта взаимопомощи с Советским Союзом, были ободрены в своих планах и усилили нажим на Польшу, провоцировали беспорядки в Гданьске, готовя его захват.

Ободряла гитлеровцев и политика США. В Вашингтоне имелась достоверная информация о том, что Германия планирует нападение на Польшу в двадцатых числах августа. Однако правящие круги США делали вид, что они глухи и слепы. Занимая для видимости позицию невмешательства, США в эти критические месяцы своей политикой играли на руку поджигателям мировой войны. В июле сенат США отложил рассмотрение законопроекта об изменении закона о нейтралитете, который на протяжении ряда лет способствовал осуществлению агрессивных планов фашистских государств.

Между тем этот законопроект мог быть принят, если бы правительство США проявило в сенате большую настойчивость. Президент США признавал, что решение сената означало победу фашистских стран. Во время англо-франко-советских переговоров Вашингтон получал информацию об их ходе от глав правительств Англии и Франции через своих послов в Лондоне и Париже. Положение было таково, что поданный из Вашингтона совет поскорее подписать соглашение с СССР мог бы сыграть решающую роль. Но такого совета не последовало.

Последовали действия противоположного характера. В июле и августе известные американские реакционные деятели сенатор Ванденберг и конгрессмен Фиш посетили ряд столиц европейских государств и приложили там немало усилий к тому, чтобы натравить Германию на Советский Союз. Таким образом, политика США в эти месяцы, с одной стороны, вселяла уверенность в гитлеровцев, что они, развязывая войну, не рискуют натолкнуться на противодействие США, а с другой, поощряла антисоветские тенденции правительств Англии и Франции. Среди тех, кто позволил фашистам развязать войну, американские монополии играли не последнюю роль.

Политика Англии и Франции создавала для СССР исключительно трудное и опасное положение. Неистовое стремление западных империалистов столкнуть Советский Союз с Германией было ясно. Малейший неверный шаг мог ввергнуть нашу страну в войну с Германией, которая могла превратиться в крестовый поход всего капиталистического мира против Советской страны. Положение осложнялось обострением обстановки на Дальнем Востоке.

Советско-японские отношения во время японо-китайской войны быстро ухудшались. В 1938 г. японские милитаристы предприняли вооруженное вторжение на советскую территорию в районе озера Хасан, неподалеку от Владивостока. Они были изгнаны частями Красной Армии с советской земли. Но в мае 1939 г. последовали новые провокации со стороны японского империализма. На этот раз они были обращены против Монгольской Народной Республики. Выполняя свои обязательства по договору о взаимопомощи, Советский Союз направил на помощь МНР свои войска. Летом 1939 г., в разгар германо-польского конфликта и англо-франко-советских переговоров, на Дальнем Востоке в районе реки Халхин-Гол Красная Армия вела бои против значительных сил японского агрессора, пока в августе японские войска не были разгромлены. Таким образом, на Дальнем Востоке Япония вела против нас необъявленную войну.

И в этот самый момент английское правительство заключило с японским правительством соглашение, известное под названием соглашения Арита — Крейги (по имени японского министра иностранных дел и английского посла в Токио). Этим соглашением не только был урегулирован конфликт, возникший между Японией и Англией из-за захвата Японией английской концессии в Тяньцзине. Значение этого соглашения было куда более важным. Согласно ему Англия обязывалась не поддерживать каких-либо действий или мер, препятствующих осуществлению японскими войсками их «задач» в Китае. Поскольку военные действия против МНР и СССР велись Японией с китайской территории, то, заключая это соглашение, английское правительство как бы гарантировало Японии ее тыл в Китае и тем самым прямо поощряло японскую агрессию против Советского Союза и его союзника — МНР.

Было бы неправильно полагать, что на Западе не было государственных деятелей, понимавших, что США, Англия, а вслед за нею и Франция ведут пагубную, безответственную политику поощрения агрессии, политику неминуемо ведущую к мировой войне.

Такие люди были. Они понимали, что еще и в этот поздний час имелась возможность принять меры к сохранению мира. Они не сомневались, что немедленное подписание пакта взаимопомощи между Францией, Англией и СССР остановит Гитлера. Так, вскоре после оккупации Чехословакии известный французский государственный и политический деятель Эдуард Эррио выразил готовность поехать в Москву, чтобы вести переговоры о заключении «твердого и абсолютного военного соглашения с Советским Союзом»¹. Председатель совета министров Франции Даладье обратился за советом к послу США в Париже В. Буллиту, который высказался против поездки Эррио. Французское правительство приняло американскую рекомендацию, и Эррио в Москву не поехал.

В апреле 1939 г. бывший американский посол в Москве Джозеф Дэвис предложил вернуться в Москву со специальной миссией, для того чтобы способствовать переговорам, но это предложение было правительством США отклонено².

Итак, каково же было международное положение Советского Союза в 1939 г.?

У западных границ СССР война грозила вспыхнуть с минуты на минуту. У дальневосточных его рубежей она фактически уже шла. Переговоры с Англией и Францией не приносили никаких плодов.

Налицо было нежелание западных держав сотрудничать с Советским Союзом в борьбе против фашистской агрессии. Обстановка складывалась для нашей страны самая неблагоприятная. Надвинулась перспектива одновременной войны в Европе и на Дальнем Востоке при враждебности всего капиталистического окружения, без союзников, в полной изоляции. Советское правительство должно было предпринять все возможное для того, чтобы избавить наш народ от такой опасности.

¹ William L. Langer, S. Everett Gleason, *op. cit.*, p. 70.

² Ibid., p. 128.

Весной 1939 г. в Берлине начала зреть мысль о чрезвычайной опасности, которой была чревата для Германии война против СССР.

В мае 1939 г. германские официальные лица несколько раз производили зондаж с целью выяснить позицию Советского Союза по отношению к Германии. С советской стороны им было со всей определенностью заявлено о глубоком недоверии, которое испытывает Советский Союз к германской политике. 4 августа германский посол в Москве фон Шуленбург сообщал в Берлин, что Советское правительство готово заключить соглашение с Англией и Францией¹. Германский посол не ошибался.

Однако, как мы уже рассказали, надежды Советского Союза на соглашение с Англией и Францией не оправдались.

В таких трудных и сложных условиях правительство СССР получило германское предложение заключить договор о ненападении.

Чем было вызвано предложение Германии? Германское правительство в 1939 г. ясно сознавало огромные трудности и опасности войны против Советского Союза. Оно еще не располагало теми ресурсами, которые к 1941 г. дал ему захват почти всей Западной Европы. Гитлеровцы еще не успели потерять голову от легких побед. Они не решились удовлетворить свои захватнические аппетиты посредством войны с таким сильным противником, как Советский Союз, и считали, что сначала лучше будет искать добычи в других направлениях. Сознание чрезмерного риска войны против Советского Союза преобладало в тот момент в германских руководящих кругах.

После мюнхенского предательства, после того как западные державы позволили фашистам сокрушить Испанскую республику, после того как Англия подписала четыре, а Франция три пакта с гитлеровцами, после того как зашли в тупик переговоры Советского Союза с Англией и Францией вследствие их нежелания сотрудничать с СССР, после получения сведений о тайных переговорах между Германией и Англией, наконец, после

¹ Documents on German Foreign Policy (1918—1945), Series D, vol. VI, № 766, p. 1062.

нападения японских войск в районе реки Халхин-Гол и англо-японского «дальневосточного Мюнхена» Советское правительство, испробовав решительно все средства к обеспечению безопасности СССР и укреплению всеобщего мира и сотрудничества с западными державами, убедилось в полной невозможности добиться этого.

И хотя заключение пакта о ненападении с фашистской Германией было нелегким шагом для правительства социалистического государства, оно не могло не принять в создавшейся обстановке германское предложение, которое на некоторое время избавляло СССР от угрозы войны без союзников, сразу на два фронта, и давало время для проведения мероприятий по укреплению обороны страны. Советское правительство согласилось заключить договор с Германией лишь после того, как выяснилось полное нежелание Англии, а с нею и Франции дать совместно с СССР отпор гитлеровской агрессии. Отклонить немецкое предложение значило бы подвергнуть страну недопустимому риску. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении.

Конечно, нельзя было рассчитывать на верность гитлеровцев своим обязательствам. Но продление мира на какой-то срок, выигрыш времени были чрезвычайно важны для Советского Союза, принимая во внимание сложившуюся летом 1939 г. на западе и на Дальнем Востоке крайне тяжелую обстановку, в которой война началась бы в самых неблагоприятных для СССР обстоятельствах, хуже которых трудно себе даже и представить.

Избавляя СССР от войны в столь неблагоприятных условиях, Советское правительство выполняло свой долг перед советским народом и Родиной, а также свой интернациональный долг перед международным пролетариатом: оно прибегло к единственному оставшемуся в его распоряжении способу обеспечения безопасности СССР — главного оплота социализма во всем мире.

Советский Союз избежал ловушки, которую хотели ему расставить сторонники мюнхенской политики. Он расстроил планы создания фронта империалистических государств против СССР.

Заключение договора о ненападении с Германией имело и то следствие, что между Германией и Японией

начались на этой почве распри, которые помешали немедленному выступлению Японии против западных держав на Дальнем Востоке и избавили их вплоть до декабря 1941 г. от войны на два фронта в самый тяжелый период их истории.

Конечно, нельзя сказать, что мюнхенцы не нанесли СССР никакого ущерба: само собою разумеется, что Советское правительство и весь советский народ предпочли бы обеспечить мир для своей страны методами коллективной безопасности, в основе которой лежало бы сотрудничество СССР с Англией и Францией против фашистской агрессии. Этому пути они отдавали предпочтение перед всеми другими способами обеспечения безопасности Советской страны. Сотрудничество между СССР и западными державами, будь оно установлено, скорее всего предотвратило бы агрессию и войну. В крайнем случае оно позволило бы вести войну в более благоприятной для нас стратегической обстановке, заставив Германию воевать сразу на два фронта и позволив избежать падения Польши и Франции, весьма невыгодного для внешнеполитических интересов СССР.

Но не от одного Советского Союза зависело определение развития международной обстановки. Развитие событий поэтому пошло не по пути создания коллективной безопасности. Не пошло оно, впрочем, и по тому пути, на который его хотели направить мюнхенцы, — по пути войны империалистических государств против страны социализма. Вопреки всем расчетам западных держав война началась внутри капиталистического мира, между двумя антагонистическими группировками империалистических держав.

* * *

После захвата Чехословакии обстановка в Европе еще более ухудшилась. Гитлеровцы, ободренные поведением правящих кругов США, Англии и Франции, демонстрировавших свое нежелание принять эффективные меры для защиты мира, искусственно осложняли отношения с Польшей, не скрывая своего намерения решить дело силой оружия.

Еще в конце марта 1939 г. Гитлер отдал приказ завершить приготовления к нападению на Польшу к концу

лета. С этого момента Германия провокационно обостряла отношения с Польшей, стремясь вызвать ее на конфликт. Напряженность германо-польских отношений возрастала с каждым днем.

9 августа Польше была вручена провокационная германская нота, требовавшая отказа Польши от прав, предоставленных ей международными договорами, и устранения Польши от дел Гданьска.

Надеясь на поддержку, обещанную Англией и Францией, польское правительство заявило, что дальнейшее германское вмешательство будет рассматриваться как акт агрессии. В то же самое время польское правительство, подстрекаемое Лондоном и Парижем, отвергло советскую помощь на случай нападения Германии.

Советское правительство делало все возможное, чтобы отклонить правящие круги Польши от самоубийственного пути, по которому они вели свою страну. В мае 1939 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам В. П. Потемкин с этой целью посетил Варшаву. Заместитель народного комиссара передал польскому министру иностранных дел предложение Советского правительства оказать помощь Польше в случае, если она подвергнется нападению с Запада. Польское правительство отклонило предложение Советского Союза¹. Однако Советский Союз продолжал надеяться, что развитие событий заставит ответственные польские круги трезво оценить обстановку и сделать из этого правильные выводы. В течение всего хода переговоров с Англией и Францией о заключении пакта взаимопомощи СССР неизменно выражал готовность прийти на помощь Польше в случае агрессии со стороны гитлеровской Германии. Но правители панской Польши, как видно, совершенно потеряли чувство реальности и очертя голову вели страну к неизбежной катастрофе.

13 августа гитлеровское правительство сообщило своему итальянскому союзнику о решении в ближайшие дни напасть на Польшу. Гитлеровцы не скрывали своих расчетов на то, что Англия и Франция покинут Польшу на произвол судьбы.

Правда, 25 августа 1939 г. Англия подписала договор о взаимопомощи с Польшей. Но, как показали даль-

нейшие события, английское правительство не собиралось оказывать Польше военной помощи. В то же время германский эмиссар Далерус продолжал тайные переговоры с Англией. Германия пыталась использовать стремление английского и французского правительств к сговору, чтобы организовать новый Мюнхен за счет Польши. Однако обстановка теперь была совсем не та, что в сентябре 1938 г., и даже мало походила на обстановку марта 1939 г. Если бы Англия и Франция остались совсем безучастными, позволив гитлеровцам вслед за Австрией и Чехословакией проглотить еще одну страну, то их положение как великих держав было бы окончательно подорвано и они со всеми своими колониями, безусловно, стали бы предметом очередных захватнических притязаний Гитлера. В Лондоне помнили о наглых «предложениях» Геринга. Новые англо-германские переговоры последних дней августа 1939 г. оказались безуспешными. 1 сентября Германия напала на Польшу, а 3 сентября Англия и Франция были вынуждены объявить войну Германии.

«История предвоенных лет,— говорил Н. С. Хрущев,— убедительно свидетельствует о том, что западные державы делали Гитлеру одну уступку за другой, толкая его на Восток, на нашу страну. Но дело обернулось так, что тот, кого тогдашние правящие круги Англии, Франции и США вскармливали, как своего цепного пса, намереваясь пустить его против СССР, сорвался с этой цепи и бросился на тех, кто его вскармливал»¹.

Началась вторая мировая война.

¹ См. «Коммунист», № 10, 1959, стр. 122.

¹ «Правда», 7 декабря 1955 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая мировая война зародилась внутри капиталистической системы в результате обострения противоречий, возникших на почве неравномерности экономического и политического развития империалистических государств.

Война была подготовлена и развязана агрессивными фашистскими государствами — Германией, Японией и Италией.

Но в возникновении войны виновны также правящие круги Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки, которые своей политикой возрождения германского милитаризма, а затем политикой сговора с фашистскими агрессорами поставили мир под угрозу, сорвали предложенное Советским Союзом создание системы коллективной безопасности.

Развязывание войны было облегчено отсутствием единства в рядах рабочего класса капиталистических государств, отсутствием единства в рядах международного рабочего движения, что вызывалось раскольнической политикой правых лидеров социал-демократии.

«В вопросе о том, быть или не быть войне, имеет большое значение соотношение классовых, политических сил, организованность и сознательная воля людей. Более того, в определенных условиях борьба передовых общественных и политических сил может сыграть в этом вопросе решающую роль. До сих пор дело обстояло так, что силы, не заинтересованные в войне и выступающие против нее, были слабо организованы, не имели средств для того, чтобы противопоставить свою волю замыслам

поджигателей войны. Так было дело перед первой мировой войной, когда основная сила, боровшаяся против угрозы войны, — международный пролетариат, — была дезорганизована предательством лидеров II Интернационала. Так обстояло дело и накануне второй мировой войны, когда Советский Союз был единственным государством, ведущим активную миролюбивую политику, когда другие великие державы фактически поощряли агрессоров, а рабочее движение в капиталистических странах было расколото правыми лидерами социал-демократии»¹.

Вторая мировая война имела ряд черт, сходных с первой мировой войной. Но она обладала и некоторыми важными отличительными особенностями.

Главная общая черта для обеих войн заключалась в том, что они были порождены капитализмом. Обе войны начались в результате обострения империалистических противоречий и вызванного этим столкновения двух враждебных группировок империалистических государств.

Как в первой, так и во второй мировой войне правящие классы империалистических государств стремились к завоеванию мирового господства. Мировое господство, указывал В. И. Ленин, «есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война»².

Главная особенность второй мировой войны заключалась, однако, в том, что она началась и протекала в обстановке существования двух различных общественных систем — капиталистической и социалистической.

Другая особенность второй мировой войны заключалась в том, что она была начата фашистскими государствами против государств буржуазной демократии.

Фашистские государства еще до начала войны уничтожили у себя буржуазно-демократические свободы, разогнали классовые организации трудящихся, установили свирепую террористическую диктатуру. В отличие от первой мировой войны, когда речь шла главным образом о переделе сфер влияния, колоний, рынков, во

¹ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, Госполитиздат, 1958, стр. 37.

² В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 24.

второй мировой войне речь шла также и о ликвидации фашистскими агрессорами государственного суверенитета и национальной независимости не только колониальных, но и высокоразвитых государств.

В отличие от первой мировой войны, где ни одна из воюющих стран не преследовала цели физического уничтожения побежденных, во второй мировой войне фашистские агрессоры провозгласили уничтожение целых национальных групп и отдельных народов составной частью своей разбойничьей программы.

Борьба против опасности фашистского порабощения, начавшаяся еще до второй мировой войны (Эфиопия, Китай, Испания), мировое антифашистское движение, неустанная борьба Советского Союза за создание коллективной безопасности для отпора фашистским поджигателям войны — указывали еще тогда, что в новой войне, если она разразится, важное значение будет иметь освободительный, антифашистский элемент.

Идея борьбы против фашизма, уничтожения этого строя мракобесия и террора, руководила свободолюбивыми народами во второй мировой войне с самого начала. Уже в конце 1939 г. движение поработанных фашизмом народов за свое освобождение, получившее позднее название движения Сопротивления, началось в Чехословакии и Албании. Нападение Германии на Польшу натолкнулось на мужественное сопротивление польского народа, для которого война с самого начала носила освободительный характер.

Нельзя, однако, пройти мимо того обстоятельства, что в первые месяцы второй мировой войны вплоть до вторжения гитлеровских армий в Скандинавию и в Западную Европу в апреле — мае 1940 г. западные государства бездействовали, давая возможность фашистскому агрессору наращивать силы. Недаром этот период получил название «странной войны».

Империалистическая буржуазия США, Англии и Франции искусно использовала антифашистские лозунги, чтобы прикрыть империалистические цели, которые она преследовала в этой войне. Хотя правители этих государств и твердили о борьбе против гитлеровской тирании, на самом деле они были готовы вступить в сговор с германским империализмом в более благоприятный для себя момент и на условиях, гаранти-

рующих их интересы. И в дальнейшем, на протяжении всего хода второй мировой войны, правящие классы западных государств руководствовались прежде всего своими империалистическими узкоклассовыми интересами.

В период «странной войны» в войне преобладали империалистические, антисоветские тенденции. «Война между Германией, Англией и Францией первоначально была с обеих сторон империалистической»¹. Для народов же Чехословакии, Албании, Польши война с самого начала приобрела характер борьбы за независимость. После оккупации гитлеровской Германией Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, после ее вторжения во Францию, угрозы поражения, нависшей над Англией, освободительные тенденции в войне начали преобладать. Вступление в войну в июне 1941 г. Советского Союза, подвергшегося вероломному нападению гитлеровской Германии, образование антифашистской коалиции окончательно придали войне антифашистский, освободительный характер.

Вторая мировая война окончилась полным поражением фашистских агрессоров — Германии, Японии и Италии — и победой антигитлеровской коалиции.

Решающую роль в разгроме фашистских агрессоров сыграл Советский Союз, на долю которого выпала главная тяжесть войны. Победа Советского Союза над фашизмом была вместе с тем победой его вооруженных сил, дружбы народов, советского общественного строя, социализма. Эта победа сделала возможным для народов ряда государств Европы и Азии свободный выбор общественного строя. И они сделали этот выбор в пользу социализма. Образовалась мировая социалистическая система, охватывающая ныне треть человечества.

«Советский народ пролил крови в этой войне гораздо больше, чем все наши союзники, вместе взятые, — говорил Н. С. Хрущев, — но мы уважаем и воздаем хвалу английским, французским, американским и другим войскам, сражавшимся против гитлеровской Германии и ее сателлитов. Борьба была суровая, но наши объединен-

¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», стр. 494.

ные армии, сражаясь за светлое будущее человечества, за его свободу и независимость, против кровавого гитлеризма, одержали величайшую победу»¹.

Разгром фашизма способствовал росту национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах, привел к кризису и распаду колониальную систему империализма.

Коренное изменение положения после второй мировой войны в пользу сил мира, демократии и социализма имеет решающее значение для будущего всего человечества.

И в нашу эпоху, когда человек овладел могучей энергией атома, которая может быть употреблена для создания достойной жизни всему человечеству, но в руках кровавых маньяков может превратиться в орудие неслыханных бедствий, необходимо быть бдительными, неустанно следить за происками врагов мира, разоблачать и срывать их человеконенавистнические планы. Бывшие гитлеровцы, реваншисты всех мастей, поднявшие голову в Западной Германии, грозят народам атомной войной. Вместе с реакционерами других стран они составляют заговор против мира и безопасности народов.

Однако в противоположность тому, что было двадцать лет назад, силы мира теперь колоссально возросли.

Растет и крепнет с каждым днем непобедимый лагерь социализма. Ширится «зона мира», объединяющая социалистические и несоциалистические государства, в которых проживает две трети человечества. На стороне сил мира — сочувствие и симпатии и тех народов, чьи безответственные правители хотели бы ввергнуть мир в новую военную катастрофу. Войны — это отвратительное порождение общества, где существует эксплуатация человека человеком, где ничтожная горстка богатей готова ради своих несметных прибылей зажечь пламя военного пожара, — навсегда перестали быть фатальной неизбежностью. Эта мысль все более доходит до сознания людей. Великая идея мирного сосуществования, выдвинутая Советским государством, поистине стала материальной силой, овладевшей сознанием де-

сятков и сотен миллионов людей. Благодаря новым успехам в укреплении Советского Союза, других социалистических стран уже близко то время, когда мировая война перестанет угрожать человечеству, будет полностью исключена из жизни общества.

Сил людей мира, людей доброй воли, ненавидящих войну, уже ныне вполне достаточно, чтобы не допустить нового всемирного кровопролития. Главную роль в этой благородной миссии призваны сыграть трудящиеся, естественные носители идеи мира. В их единстве, в их братской интернациональной солидарности — огромное несокрушимое могущество.

В 20-ю годовщину второй мировой войны, которая принесла столько горя нашему поколению, с благодарностью вспоминая о тех, кто отдал свою жизнь за победу над фашистскими варварами, трудящиеся первого на земле государства мира и социализма обращаются ко всем народам с пламенным призывом:

**ЛЮДИ, БЕРЕГИТЕ МИР!
МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ!**

¹ «Правда», 7 декабря 1955 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Начало фашистской агрессии	6
Глава II. Политика пособничества агрессору и политика коллективной безопасности	32
Глава III. Провал двойной игры мюнхенцев Фашисты развязывают вторую мировую войну	53
Заключение	78

Хвостов Владимир Михайлович
Некрич Александр Моисеевич

Как возникла вторая мировая война

Редакторы *О. Вадеев, И. Динерштейн*

Художник *Е. Васильев*
Художественный редактор *С. Сергеев*
Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 23 июля 1959 г. Подписано в печать 31 июля 1959 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2⁵/₈. Условн. печ. л. 4,306. Учетно-изд. л. 4,46.
Тираж 100 тыс. экз. А 05245. Заказ № 664. Цена 1 руб.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская 16.